

The image is a book cover for 'Olga Ryakova in His Power'. It features a woman with her eyes closed, her hair and face appearing to be engulfed in fire and lightning. She is holding her hands to her face. The background is a cosmic scene with a large planet on the right, a comet streaking across the top, and a bright blue starburst at the bottom. A circular '18+' rating is in the top right corner.

18+

Олеся Рияко
В ЕГО ВЛАСТИ

Олеся Ряко

В его власти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67591218

SelfPub; 2022

Аннотация

Небо охвачено огнями вражеских залпов, и ей больше некуда бежать. Но смерть не торопится забрать свое – так неужели что-то еще осталось у беженки с захваченной врагом планеты? У сироты, лишенной даже имени? Только случай мог свести вместе таких разных людей, и теперь уже никто не в силах предсказать, что случится, если в черной душе безжалостного убийцы найдется место для неуместных чувств. Ясно одно – в этом неравном бою никто не сдастся. Каждый будет биться до последней капли крови! От автора: Очень откровенные сцены! Авторская космовселенная, за основу которой взят Рим I век до н. э.

Содержание

Пролог. И вспыхнет пламя	4
Глава 1. Имя 98 1567	11
Глава 2. Красное на красном	19
Глава 3. Путь во мгле	33
Глава 4. Черное знамя Империи	40
Глава 5. Рыжая на удачу!	50
Глава 6. Осталось только поверить	57
Глава 7. Его глазами	67
Глава 8. Галльская Фурия	75
Глава 9. Конец ее пути	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Олеся Рияко

В его власти

Пролог. И вспыхнет пламя

Огонь повсюду – сполохи пламени, крики, яркие вспышки и пронзительный гул плазменных выстрелов. Она закрыла лицо руками и прижалась к земле сильнее, лишь бы не видеть, не слышать... ниже, как можно ниже, но в том не было толка.

С ужасом вдыхая пыль и золу, девушка думала только об этих перекрестных вспышках в небе, ведь любая могла убить ее или покалечить, и в общем—то не важно, увидит она ее перед тем или нет.

Только бы выжить...

Нет, Она не ожидала, что и после всех лишений, жизнь будет казаться ей таким бесценным сокровищем! Но именно сейчас, когда мир вокруг рушился, горел и вопил от боли, девушка острее всего ощущала потребность просто дышать и знать, что ее «завтра» несмотря ни на что наступит.

– Маат... о, Солнцеликая... – шептала Она одними губами, припав влажным лбом к дорожной пыли, – позволь еще узреть твой восход! Не забирай меня к себе так рано, я не готова встретиться с тобой, прошу...

Но на молитву не было ответа – пылающий мир вокруг казался лишенным божественной благодати. Здесь все творилось по воле лишь одного небожителя. Того, который именовал себя Императором и считал, что владения его – есть весь бесконечный космос.

С момента высадки первой волны имперского десанта на Нарвиби, прошло не больше часа, но от некогда крепкого, как гранит, единого фронта обороны Корпуса Кри остались лишь небольшие, изолированные друг от друга узлы сопротивления.

Люди отчаянно противостояли натиску имперцев, но то, что не могли союзники в течении шести лет, элитные части войска Императора с лёгкостью сделали за неделю, при помощи непрерывных орбитальных обстрелов планеты и всего нескольких решительных боевых операций.

Уничтожение сторожевого флота повстанцев на орбите Луны—1, захват штаба флота и всей противокосмической обороны Навибри на Луне—3... Затем безжалостные обстрелы военных и промышленных центров, падение Дворца Свободы и в конце концов большинства городов планеты. Теперь флот Империи и союзников, от нечего делать, превращал в пыль многочисленные поселения беженцев и другие незначительные объекты, незатронутые недельными обстрелами.

«Осмелившиеся противиться империи не заслуживают пощады» – таково наставление кровавого Бога своей пастве.

Наступление союзников, длившееся все это время, теперь казалось просто игрой детей в шашки, бесконечной кампанией по нецелевому расходованию средств и открытому отмыванию денег. Хотя, именно этим оно и было, раз всего одному кораблю имперцев удалось то, что не удавалось нескольким десяткам боевых эсминцев армии содружества...

Выстрелы стихли, и Она отняла лицо от ладоней, позволив себе оглядеться, не поднимая высоко головы; вокруг полыхали шаткие деревянные постройки, прореженные лазерами и разметанные взрывами тинитовых направленных зарядов. Где—то позади надрывно кричал мужчина, моля о помощи. Воздух мерзко пах жженой резиной, сеном, которым покрывали крыши, и палеными волосами. Ко всему этому примешивался и другой, сладковатый запах, но девушка старалась не думать о нем. Не искать его источник даже в мыслях.

Это был не конец.

За ударом с воздуха всегда следуют наземные силы, это Она успела усвоить за свои неполные двадцать – с небес вот—вот должны были спуститься приближенные слуги самого Императора. Элитные части, созданные сеять смерть и разрушения, исполняя тем самым волю своего Бога.

Им больше некому было противостоять. Судя по тому, что вокруг не было ни души, бойцы местного ополчения бы-

ли либо смешаны с грязью, либо в панике бежали в леса. Здесь не осталось никого, кроме трупов, редких раненых и Её, ждущей неизбежной смерти, брошенной всеми на произвол судьбы.

Возможно, то были последние минуты, но сознание девушки отказывалось принять правду, смириться со скорой и неизбежной смертью...

Нет, нет и нет! Она прожила слишком мало и слишком много потеряла на этой чужой войне – родителей, братьев и даже *свое имя*.

Всего полгода назад ее, еле живую, вместе со старшим братом эвакуировали из зоны конфликта на Карезии, их родной планете. Это казалось спасением, настоящим чудом! Отец грезил о том, как они всей семьей переберутся на Нарвиби, под защиту могущественного Корпуса Кри. Потом внезапное предательство одного из дипломатов Карезии привело к вторжению, а после и бегству выживших на дипломатическом крейсере в отсеках для отработанной воды. В одном из них ее брат подхватил заражение крови и Она стала круглой сиротой.

У сирот нет выбора – и по прибытию на Нарвиби ее ждала новая жизнь, совсем не похожая на ту, что рисовал в своих мечтах отец. В ее силах было лишь смириться с судьбой и благодарить Маат за то, что все случилось так, а не иначе... что по крайней мере ей самой удалось выжить.

Свободная и независимая Нарвиби была совсем не тем

местом, которое рисовал в своих мечтах Ее отец. В условиях тяжелой политической и, как следствие, торговой блокады, на планете был введен чрезвычайный порядок управления, мало чем отличавшийся от людоедского имперского тоталитаризма. Все трудоспособные мужчины без достатка и уникальных умений поступали в Корпус в качестве пехотинцев, а все женщины без семьи отправлялись в поселения – в лагерь, в качестве рабочей силы. Фактически становились рабами, ведь вместо имени им приписывался номер, а к номеру полагался план, не выполняя который, можно было не только остаться без еды, но и отправиться на более тяжелую работу – в урановые шахты, выгребные ямы или на переработку шлама.

С момента прибытия на Нарвиби ее звали 98 1567 и она запретила себе вспоминать свое прежнее имя. *Запретила себе жалеть себя*, ведь иначе просто невозможно было сохранить рассудок! Но никакие лишения не шли в сравнение с тем, что она испытывала здесь, лежа на земле покрытой пеплом от пожаров и человеческих тел... ожидая прихода солдат, от которых уже некуда было бежать...

На тысячи световых лет изведенного пространства миром правила Империя и содружество ее нобилитетов, главы которых целовали мрамор, по которому ходил Император, а Корпус Кри был последним значимым оплотом сопротивления. Если его вообще можно было так называть, после битвы за Вельскую систему планет. Ведь тогда были уничтожены не

только основные силы, но и флагман компании с представителями от всех трех противостоящих Империи систем.

Этот маленький, ничтожный в масштабах империи клочок звездной карты на отшибе галактики, должно быть, даже не интересовал имперцев, пока Корпус Кри не осмелился перехватить один из их визионерских звездолетов – исследовательское судно, неизвестно зачем оказавшееся в данной части космического пространства.

Затишье подошло к концу...

Земля содрогнулась у нее под ногами – где—то со стороны леса раздался низкий протяжный гул. Такой громкий, что Она почувствовала, как каждая клеточка ее тела завибрировала в ответ.

Сигнал к высадке – десант содружества прибыл.

Девушка уже слышала этот звук на Карезии, в тот день, когда в последний раз обнимала отца и видела здоровым единственным выжившего брата.

Обезумевшие инстинкты подняли ее на ноги, и девушка побежала, не разбирая пути в противоположном гулу направлении. Абсолютно не осознавая, что делает, на непослушных ногах, неслась по заваленной обломками тропе меж пылающих построек. В голове совершенно не осталось мыслей, только страшное животное желание выжить. Спрятаться... отсидеться... не дышать и не двигаться, пока все это наконец не закончится!

Сильный удар в спину выбил землю у нее из—под ног –

залп из гравитационной пушки сравним с ударом десятикилограммового мешка с песком. Лежа на земле и чудом оставаясь в сознании, она не могла сделать даже маленький вдох – наверняка были сломаны ребра. Спустя мгновение, перед самым ее носом появилась пара высоких черных ботинок.

Не церемонясь, брезгливо, солдат перевернул ее носком. Жалкую, корчащуюся от боли и отсутствия воздуха в легких, словно рыбу, вытащенную из воды.

Сквозь пелену асфиксии, застилающую глаза, девушка увидела его серую с красным форму и защитный шлем с эмблемой – хищной птицей, знаком имперской армии.

Последним, что осталось в памяти, был этот стилизованный орел, сжимавший в обеих лапах кольцо, символизирующее весь изведанный и неизведанный мир.

Мир, который принадлежал Императору.

Мир, в котором ей больше не было места.

Глава 1. Имя 98 1567

Яркий свет жег глаза даже сквозь веки. Тело казалось ватным и каким—то не своим. Будто все мышцы распухли и отказывались повиноваться. Девушка чувствовала такую слабость, что не нашла бы сил даже для того, чтобы пошевелить рукой.

Рядом с ней, в этой слепящей белой тишине, что начиналась сразу за непослушными веками, кто—то был. Она отчетливо слышала чужое спокойное дыхание и различала движения тени, прямо над собой.

Постепенно глаза привыкли к свету, и девушка смогла приоткрыть их.

Помещение вокруг было совершенно не похоже ни на что ей известное; обширная прямоугольная комната, больше напоминала коридор. По одной его стороне рядами стояли высокие металлические койки с полупрозрачными неткаными балдахинами, по другой шли ряды полок и шкафчиков с датчиками, которые пульсировали каждый в своем темпе.

И здесь она была не одна. Справа от девушки стоял высокий широкоплечий мужчина, облаченный в белый комбинезон с нашивками на обеих руках. Воротник—стойка плавно переходил в маску скрывающую половину его лица – только глаза оставались не скрытыми белой тканью. Мужчина что—то сосредоточенно собирал на металлическом приставном

столике, у самых ее ног и дышал шумно, словно то составляло для него проблему.

Символы на нашивках были ей не знакомы, впрочем, как и форма, в которую был облачен этот человек.

Почувствовав, что за ним наблюдают, мужчина в белом кратко взглянул на девушку, после чего достал что—то из нагрудного кармана и приложил к правой руке своей пациентки, чуть выше локтя.

Мгновение – и по венам словно пустили сотни острых игл, но вместе с тем тело начала покидать вялость, а сознание вмиг прояснилось, словно бы ее с головы до пят окатили холодной водой. Дыша глубоко и громко, девушка выгнулась и попыталась встать, но руки и ноги оказались притянуты к койке ремнями.

От сонливости и слабости не осталось и следа, но им на смену пришла паника и тот ужас, в момент которого ее совсем недавно покинуло сознание.

Мужчину в белом комбинезоне, казалось, забавляло ее замешательство. Он поднял со стола небольшой полупрозрачный планшет и растянул его, чтобы вывести на экран больше информации. Данные – изображения, цифры, надписи – переливались на поверхности неоновом—синим и красным свечением, сменяя друг друга, по мере того, как мужчина смахивал их в сторону или растягивал пальцами на экране, желая рассмотреть подробнее.

У нее никогда не было доступа к такой технике. Но она

не раз видела, как работают с похожими устройствами контроллеры, принимавшие норму выработки по сбору каучука, на плантации к которой она была приписана на Нарвиби.

– Имя. – Ровным тоном сказал мужчина, не глядя на нее. Карезийский из его уст звучал грубо и неестественно. – Назови имя. – Каждое слово он произносил с задержкой, вероятно, из—за синхронизатора речи.

– Нет... Нет... имени. – Сипло произнесла она. В горле так пересохло, что каждый звук впивался в него осколком стекла. – У меня нет.

Мужчина оторвал взгляд от планшета и не терпящим отказа тоном вкрадчиво повторил:

– Назови имя.

– 98 1567. – Больше ей нечего было ему предложить. Но он даже глазом не повел, просто записал сказанное. Девушке показалось, что записал.

– Кто семья. – Снова без интонации и с акцентом произнес он. – Кто жив, не знаешь, мертв или жив.

В ответ на ее молчание, мужчина не глядя пнул койку, так что все внутри девушки сжалось от неожиданности.

– Все мертвы. Никого не осталось! – почти выкрикнула она и внутри, словно что—то оборвалось, слезы неудержимо полились из глаз.

– Сколько жила на Нарвиби?

– Меньше пяти месяцев...

– Сколько жила на Карези?

– Всю свою жизнь...

Снова резкий пинок и девушка сжалась, лихорадочно прикидывая точный срок.

– Двадцать три года... и... и четыре месяца. И еще год на орбите, я родилась на орбите! – прокричала она, давясь слезами. – Что со мной теперь будет? Прошу, скажите где я?

Вместо ответа мужчина вновь вытащил тот продолговатый предмет, но на этот раз приложил его не к руке, а чуть повыше ключицы моментально потушив вокруг свет, ощущения, звуки...

Словно лишь моргнув, она открыла глаза в совершенно другом помещении. Это явно была жилая комната. Просторная, но с невысоким потолком. Такая, какие бывают на кораблях. Огромное продолговатое горизонтальное окно и неравномерная обшивка стен, состоящая из пластин со встроенной голубоватой подсветкой, указывали на то почти наверняка.

На Карези ее отец работал механиком на разборной базе. На «кладбище космического хлама», как он ее называл. Владелец базы жил и вел дела на одном из имперских крейсеров, от которого мало что осталось, кроме кают компании. Но именно то, что видела маленькая девочка, приходившая с отцом в день оплаты, навсегда осталось в ее сознании синонимом к слову роскошь.

Эта комната была точно такой же, только вещей и мебели

в хоромах владельца разборной базы было в разы больше, а вот световых панелей едва ли набрался бы десяток.

Девушка лежала на кровати посреди большой комнаты обставленной минимумом предметов, каждый из которых на Нирвиби стоил бы целое состояние. Здесь были почти только одни необходимые вещи: кровать, письменный стол и два кресла – одно для хозяина, другое вероятно для гостя. Несколько раритетных светильников на потолке и стенах, размещенных там именно что для украшения. Света в комнате и без них было достаточно. Но и кровать, и стол, и кресла были сделаны из удивительного материала – черного дерева, лоснящегося в свете старых ламп и стеновых панелей.

Страшно было даже подумать, сколько за него сейчас можно выручить на черном рынке! Тот же владелец разборки озолотил бы девушку, принеси она хоть ножку вон от того кресла...

Девушка поднялась и обошла комнату. Одна из стеновых панелей при ее приближении отъехала в сторону, открыв индивидуальную уборную. Не чувствуя ног, бедняжка бросилась к раковине и прильнула к крану с ледяной и безумно вкусной водой. Она так хотела пить, что не могла остановиться, даже когда почувствовала, что воде больше уже некудалиться!

Повторный осмотр комнаты не дал других результатов. Ни одна из панелей не походила на дверь. Даже иллюмина-

тор не разблокировался при ее приближении, как бы девушка не пыталась с ним взаимодействовать. Письменный стол и кресла были именно тем, чем являлись, только вот в столе не оказалось ящиков и полок. Просто стол и просто кресла.

Красивая, почти роскошная комната, на самом деле являлась клеткой. Главный вопрос состоял в том, зачем кому—то сажать в такую клетку именно ее. Дочь механика, сборщицу каучука с Нирвиби, планеты которой вероятнее всего больше нет.

Подумав, и решив, что ответы наверняка должны ждать ее впереди, девушка посчитала нужным сделать единственное, что могло помочь скоротать время в этой клетке – пошла в душ.

Простое человеческое желание очистить тело и расслабить напряженные мышцы – давно она не позволяла себе даже мечтать о таком, казалось бы, обыденном, ничтожном...

На Нарвиби душ представлял собой большую бочку с водой, к которой была приделана лейка. За день ее нагревало солнце, и можно было смыть с себя пот и грязь после работы. Но, на то, чтобы помыться выделялось лишь пять минут – две на то чтобы намылиться, и лишь три на то, чтобы совершить омовение. Где уж тут думать о расслаблении!

Воды было немного, недостаточно для количества желающих, и лишние минуты в душе даже являлись в их женском трудовом лагере своеобразной разменной монетой. Правильно уступив их, можно было получить что—то необ-

ходимое и дефицитное, например, лекарства или пачку сигарет.

Вода на Нирвиби добывалась долго и тяжело, ведь это планета подземных рек и морей.

Впервые, должно быть за всю жизнь, она ни в чем себе не отказывала и просто стояла под теплыми струями воды. Вероятно, полчаса или даже больше, все удивляясь тому, что та не заканчивалась ни на минуту... нет, удивляясь тому, что все еще дышит, несмотря ни на что. А может и нет? Может все это – просто сон умирающего разума?

Девушка тщательно вымылась ароматным мылом, найденным там же и вытерлась мягким полотенцем. Удивительно мягким – ничего подобного она прежде даже не касалась. Одна из панелей возле полки с полотенцами отъехала, и девушка поначалу действительно испугалась, пока не удостоверилась в том, что перед ней не другой человек, а ее собственное отражение.

Разумеется, она и раньше видела себя... в стеклах кабин, в металлических деталях корпусов различной техники. Было на Нарвиби и медное зеркало, сделанное женщинами из расплющенной гидропрессом шестерни, которую затем отполировали до блеска и повесили при выходе из общего душа. Но это было не то же самое, что смотреться в настоящее, чистое зеркало, созданное из специальным образом обработанного стекла.

Из него на нее смотрела изможденная, очень худая, но все

же красивая девушка с большой непослушной копной рыжих волос. Она и не подозревала, что выглядит именно так!

Разглядывая себя впервые, по—настоящему, девушка отметила, что ей нравятся свои большие зеленые глаза и не нравятся пухлые губы, а также большой розовый шрам над пупком, который она получила еще в детстве, когда упала на арматуру, неудачно сыграв с братьями в догони—запятнай.

Покинув душ, девушка еще немного побродила по просторной каюте, после чего вернулась в постель. Теплая вода расслабила мышцы и это странным образом сгладило тревогу... усталость, а может и остаточное действие препаратов, которые были введены ей тем человеком в белой форме, туманили сознание. Сопротивляться накатывавшей дреме было сложно и, едва позволив себе закрыть глаза, она тут же уснула.

Девушке снилась Карезия и братья, которые никак не соглашались пойти вместе с ней, посмотреть на чудесную комнату с душем, в котором можно было мыться сколько угодно долго...

Сон оборвал резкий звук отъезжающей в сторону панели — от него девушка очнулась быстрее, чем вспомнила где находится. Когда же зрение наконец сфокусировалось, возле одной из стен она увидела высокого мужчину в имперской форме и инстинктивно вжалась в спинку кровати.

Глава 2. Красное на красном

Он смотрел на нее, не отводя взора пронзительных карих глаз. Не моргая, что безмерно пугало. Было в его взгляде что —то хищное, словно он видел перед собой не ее, живое существо, а смотрел на одно из кресел в своей комнате.

Мужчина был еще молод, вероятно, не старше тридцати лет. Резкие, словно высеченные в камне черты лица только добавляли сходства с хищной птицей; длинный прямой нос, высокие скулы, широкая челюсть с сильным подбородком, яркие карие, почти черные глаза и густые брови. Его темные волосы едва не доходили до плеч, что было странно, ведь в рядах имперских войск было принято стричься очень коротко, почти полностью сбривая затылок.

Форма, в которую мужчина был одет, не показалась ей знакомой. Штурмовики и просто солдаты в основном носили серые куртки, жилеты и комбинезоны с черными берцами и черным же шлемом. Но этот мужчина был облачен в черное с головы до пят. Только нашивка на правой руке была обычной... за исключением цвета эмблемы — орел на ней был золотым, а не красным.

Не говоря ни слова, имперец разглядывал ее некоторое время, а потом, все так же безразлично отвернулся и направился к панели на стене, за которой скрывался душ. Та послушно отъехала, скрывая высокого человека в маленьком

помещении.

Оставшись снова одна, девушка почти слетела с кровати и бросилась к той стене, возле которой появился незнакомец – принялась ощупывать ее и водить руками в поисках сенсоров, но все безуспешно. Ни один сантиметр не давал и намек на дверь. Должно быть, датчики движения были запрограммированы на генетический ключ, а значит для нее выхода нет...

Звук отъезжающей панели повторился за ее спиной – мужчина вышел из душа. Его тело покрывало только полотенце, сцепленное краями на бедрах.

Все внутри у девушки в тот момент сжалось – было ясно, что просто так ни один имперец не стал бы вести себя таким образом в ее присутствии...

О том, что штурмовые отряды насилуют женщин на захваченных территориях, сопротивленцы любили рассказывать в своих агитационных речах не меньше, чем те же имперцы о сопротивленцах. И те, и другие регулярно проводили работу с населением своих дистриктов, по профилактике оппозиционных настроений, вбивая хтонический страх в глотки людей чуть ли не сапогами.

Вот только захват территории, что на Крезии, с которой она бежала еще девочкой, что на Нарвиби, больше походил на зачистку, без цели оставить кого—то на потеху солдатне. Было абсолютным чудом одно то, что она сама выжила и было безумно странным, то, что для доставки ее, бесправной,

грязной беженки сюда, было приложено столько усилий.

Этот имперец явно не был простым солдатом, в том было даже глупо сомневаться; дорогая каюта, необычный, вычурный мундир, не по форме длинные волосы... и этот взгляд...

В ужасе осознания, девушка смотрела, как мужчина, обнаженный по пояс, направляется к стене у рабочего стола и наливает что—то в металлический бокал, извлеченный из панели, отъехавшей при его приближении.

Этот имперец был высок и хорошо сложен, но все тело его было испещрено следами минувших боев. Сильные руки имели много шрамов от порезов, от левого плеча до поясницы извивался шрам со следами от швов, словно на тряпичной кукле наспех зашитой детской рукой. Но самым страшным было большое розовое выпуклое пятно, между грудных мышц — такой шрам мог остаться только если бы из его тела вырвали кусок, который затем заполнился рубцовой тканью.

— Я... я... — девушка начала говорить, не продумав, что скажет. Ее мгновенно бросило в ледяной пот, а к лицу и шее прилила краска, сделавшая цвет волос еще более ярким.

Мужчина обернулся на свою гостью и, не отводя взгляда, залпом выпил налитую в бокал жидкость.

Этот взгляд... так смотрят хищники на своих жертв, если знают, что тем некуда бежать. Так ничего и не сказав, он просто убрал бокал обратно в потайной бар и вернулся за стол.

Будто девушки и не было в комнате, он принялся за какие—то свои дела; провел ладонью по гладкому дереву, от

чего его поверхность подсветилась синим и над ней воспарили несколько экранов с рядами цифр и символов. Мужчина стал сосредоточенно их изучать и вводить данные, при помощи панели, которая материализовалась следом – он всем видом давал ей понять, что она в этой комнате не более, чем вещь.

Не зная, что делать... что она *должна* делать, что *может* делать, девушка, двигаясь почти по стенке, вернулась к кровати и села на ее край.

Мужчина работал не отвлекаясь, должно быть, около часа. За это время она успела рассмотреть каждый сантиметр вокруг, потому что старалась не смотреть на то, что ее пугало больше всего. На хозяина этой комнаты. А теперь, наверное, и *ее хозяина*.

Но чего же он хочет добиться от нее, демонстрируя эту отстраненность? Того, чтобы приняла свою безвольность? Смирилась с ней?

Но было ли с чем смириться? Ведь девушка лишилась каких—либо прав еще когда только покинула родную планету!

Но на Нарвиби у нее, по крайней мере, все еще оставалось что—то свое – право на достоинство. Да, она работала на каучуковой плантации, но это давало ей кров и пищу, а также дело и место в жизни, пусть оно и ограничивалось кроватью и тумбочкой в общей женской комнате, но зато никто никогда не обращался с ней, как с собственностью. Она была вольна уйти с плантации, и свободно умереть от голо-

да и болезней в лесах Нарвиби или, пойдя в противоположную от них сторону, обезуметь от жажды и зноя в Нарвибской пустыне. Теперь же ее положение было однозначным: этот человек владел ей, как вещью и было уже не так важно, для чего она была ему нужна – для удовлетворения потребностей, жертвоприношения или даже ужина.

Что же оставалось... сопротивляться? Но попытаться напасть на него было бы самым бессмысленным поступком из всех: она меньше этого верзила в два раза и, при том, тут не приходилось сомневаться в его боевом опыте.

Даже если бы ей удалось неведомым образом подкрасться к имперцу сзади, и даже если бы нападение застало его врасплох, она ни за что не смогла бы покинуть эту каюту. А значит, остается только сидеть и молча ждать своей участи.

Сопротивление – это самоубийство... на такое она была пойти не готова. Ведь уйти из жизни по своей воле, значит больше не увидеть братьев и отца!

Ее вера была строга на этот счет: ни простой женщине, ни мужчине нельзя перейти границу миров по своей воле. Сделать это может только воин или жрица, но и то, не при любых обстоятельствах.

Девушка почувствовала на своей спине чужой взгляд и медленно обернулась. Мужчина действительно смотрел на нее. Хищно, сосредоточенно, как и раньше... это ужасало ее просто до боли в напряженных мышцах!

Сказать ему что—то? Но что? Вдруг он не говорит на ее

языке? Или вообще не говорит? *Или ей нельзя говорить с ним?*

Страх смерти странно перемешался в сердце девушки с готовностью к худшему и мысль о том, что мужчина не собирается ее убивать, пугала еще больше. Каких только историй женщины из ее поселка не рассказывали об имперцах и том, что они делают с пленными!

– Что за странное имя? – Его голос был низким и невероятно четким, словно говорил он, а звуковые волны отдавались в ее собственной груди. В ее перепуганном сознании родилась совсем абсурдная мысль, что голос и вовсе не принадлежит его обладателю, так мягко и глубоко он звучал.

– Это мой номер прибытия. Я беженка с Карези...

– Я спросил не это. – Недовольно оборвал он ее. – Почему ты назвалась этим номером, а не своим именем?

В голосе имперца не было и намека на беседу, это был даже не командный, а допросный тон. Девушка сжалась еще больше – внутри нее все окончательно заледенело от страха. Было страшно осознавать, свою беззащитность и то, что любое слово, сказанное не так, может привести к неизвестным последствиям.

– Когда... когда умирают все члены семьи, – попыталась объяснить девушка, – женщина не может взять имя, пока не найдет новую семью, которая ей его даст.

– Глупее ничего в жизни не слышал. Как тебя звали при рождении?

Девушка почувствовала, как немеет лицо и руки. После смерти близких нельзя больше называть себя старым именем, это может привести к страшным последствиям – проклятью. Поэтому она решила придумать другое, чего делать было тоже нельзя, но это все же лучше, чем ничего.

– Агна.

Мужчина усмехнулся, но ухмылка эта не имела ничего общего с весельем.

– Насколько ты глупа... Агна? Скажи, зачем ты здесь?

Ее лицо снова залила краска, взгляд остекленел. Было страшно выдать любую из тех версий, что вертелись у нее в голове с того самого момента, когда она проснулась и увидела *его*.

– Рискну предположить, что у тебя есть пара идей на счет этого, так? – ее ответ тут вряд ли требовался, но девушка все же кивнула, испытав немного облегчения от того, что ей все же не придется озвучивать свои версии. – Тебе повезло остаться в живых из—за цвета волос. В империи есть глупое суеверие о том, что рыжеволосые женщины приносят удачу. Забавно, правда? К сожалению, проходят столетия, а люди так и продолжают возвеличивать чушь и верить в неслучайность совпадений. Поскольку я все еще не обзавелся цифрией, за все мои пятнадцать лет на этом крейсере, мой понтий решил преподнести мне подарок в честь взятия Нарвиби и сокрушения Кри. К сожалению, отказаться я не могу.

Сказав это, он на мгновение замолчал, оценивающе оглядев девушку, будто взвешивая свои дальнейшие слова или принимая важное решение. Нервно постучав длинными пальцами по столу, мужчина продолжил:

– Тебе важно запомнить правила, поэтому слушай внимательно – я никогда не повторяю. *Я не хочу слышать тебя. Я не хочу видеть тебя*, поэтому, когда я нахожусь с тобой здесь, ты должна занимать как можно меньше пространства и дышать как можно тише. Здесь я бываю редко и не долго, поэтому это не составит для тебя большой проблемы. Я также *не хочу думать о тебе*, поэтому даже не начинай размышлять о побеге или прочей блажи. Это имперский крейсер – ты покинешь его только через люк для отходов. Ты должна понять, что все еще жива только потому, что тебе повезло родиться рыжей, и какой—то солдат решил, что перед тем как смешать твой пепел с землей, неплохо было бы удостовериться в том, что ты действительно не представляешь ценности. Поэтому лучше для тебя будет считать себя почти что мертвой. Если тебе удастся соблюсти все эти правила, на протяжении нескольких последующих лет, я избавлюсь от тебя при первой же возможности. Поверь, именно этого я хочу на самом деле... Если не доставишь проблем – живой, но, если решишь усложнять мне жизнь, я придумаю способ более практичный. Кивни, если согласна.

Она сразу же кивнула, чувствуя, как мелкая дрожь сотрясает руки. Это не было надеждой на жизнь... но все же было

на нее похоже!

– Еще одно, твои предположения верны, тебе все же придется быть цифией, хотя я и не вижу в этом необходимости. Но вас обслуживает персонал из медкорпуса и я не хочу, чтобы понтий считал, что я недоволен его подарком.

Струна внутри нее натянулась и оборвалась. *Он говорит о том, что будет с ней спать.* Она не знала, что делают цифии, и кем они вообще являются, но разговор подводил именно к этому. Девушка посмотрела на него и пунцовый румянец сменила бледность. Во взгляде мужчины не было ничего даже отдаленно похожего на то, как иные представители его рода смотрят на женщин. И да, у нее никогда не было какой бы то ни было связи. Единственным мужчиной в их поселении был надзиратель – старший распределитель, которому было больше семидесяти лет. Старого ворчливого мужика интересовало только выполнение плана и табак, который он против правил растил в делянке за своим домом.

– Мне не интересно. – Сказал имперец, словно она своим взглядом задала какой—то вопрос. – И не думай, что ты мне интересна. Я считаю, что легионер любого порядка не нуждается ни в чем кроме мундира, оружия и устава. А все эти позументы, – он брезгливо обвел взглядом свою каюту, – все эти животные потребности, не более чем пыль в глаза новобранцам и малодушным. А теперь раздевайся и ложись.

Теряя грань между реальностью и каким—то больным кошмаром, девушка поднялась на негнущиеся ноги и, трясущ-

щимаются руками, принялась расстегивать на себе одежду.

Длинное платье из простого материала имело около двух десятков пуговиц по позвоночнику. Он не собирался помогать, даже не смотрел, когда девушка стягивала с себя белую ткань, не смотрел и когда ложилась на кровать, совершенно онемевшая и будто обескровленная, при том, что сердце в груди билось, как сумасшедшее. Имперец просто сидел за столом и разбирался в записях на экранах, словно она вновь слилась с интерьером его комнаты, в которой сейчас вовсе не происходило ничего необычного.

Девушка лежала еще около получаса, неподвижно смотря в потолок, боясь пошевелиться, чтобы не издать лишний звук. Может... он только запугивает ее? Но через секунду после этой мысли, имперец наконец поднялся с места – она вздрогнула и все внутри нее напряглось. Его шаги и движения девушка физически ощущала в своем теле, несмотря на то, что не видела ничего кроме потолка каюты над собой.

Мужчина подошел к кровати и она услышала как на пол упало его полотенце. Потом прогнулся угол кровати, на который он сел. Она дернулась, как от электрического тока, когда имперец положил свою горячую руку, чуть выше ее колена. Девушка не смотрела... зажмурилась... вся обратилась в слух и тактильные ощущения – в этот момент ей буквально казалось, что она видит кожей.

Вот он проводит рукой по ее бедру, двигаясь вверх. Не задерживаясь на ложбинке между бедрами, выше, по животу,

к груди... Он хочет почувствовать ее кожу, гладкую и упругую... Его рука задерживается на шраме над пупком, но потом устремляется выше, к тяжелой груди, к одному из затвердевших сосков.

Он берет ее грудь в руку и немного сжимает – в этот момент девушка услышала, что его дыхание резко стало более глубоким, а следом ощутила то, как он перенес весь свой вес на кровать. Рукой мужчина грубо раздвинул ее ноги, заставив сдавленно охнуть от неожиданности, и сел между них, чтобы одним движением закинуть на свои. Наклонился над ней.

Почувствовав на себе его дыхание, она задержала свое. Не зная, стоит ли – боясь открыть глаза, вообще как—то пошевелиться.

Девушка ощутила, как он склонился ниже, словно размышляя. Затем не резко, но от того не менее внезапно, прильнул губами к ее груди, нежно прикусил и оттянул затвердевший сосок – она вздрогнула и непроизвольно вжалась в кровать, после чего имперец подхватил ее и привлек к себе, продолжая настойчиво, жадно целовать грудь, затем ключицы, шею.

Настойчиво, но... нежно...

Ее тело само подалось вперед, несмотря на напряжение и тот страх, что она испытывала. Девушка не знала, что делать со своими руками, но вот он страстно вздохнул и прикусил ее за шею, от чего они сами легли ему на мощные плечи. В этот

момент карезийка почувствовала его плоть, упершуюся ей пониже внутренней стороны бедра и почти непроизвольно выставила руку, упершись в грудь мужчины. Она сделала это не сильно, не настойчиво, но он почти грубо убрал ее ладонь, сжав запястье и отведя его за спину.

Это было похоже на то, как если бы она попыталась отобрать кость у голодного пса. Он почти зарычал на нее, продолжая сжимать ее руку одной своей рукой и скользить вдоль ее талии другой.

Затем имперец немного отстранился и завел свободную руку между ее ног, после чего там медленно и уверенно погрузил в сокровенное место два своих пальца. От неожиданности и удивления девушка напряглась и выгнулась, отстраняясь, но мужчина снова привлек ее к себе. Начал медленно двигать этими пальцами вперед и назад. Это было немного больно... она чувствовала, как все напряжено внутри, как тяжело он входит в нее, но было в этом... и что—то от удовольствия. Странное ранее не испытанное чувство, словно пузырьки минеральной воды, стремящиеся вверх, от низа живота к темени. Делая это, он продолжал целовать ее, не поднимаясь к лицу. Грудь, ключицы и шея – вот что было зоной его интересов. А между тем пальцы погружались все глубже... двигались все быстрее – тупую боль все более сменяло удовольствие, и девушка почувствовала, как стала совершенно мокрой внизу, потому что пальцы заскользили беспрепятственно. Назад и вперед. Снова и снова...

Мужчина вновь добавил грубости в ласку – прикусил ее за шею и одновременно ввел еще один палец, от чего девушка опять почувствовала боль, более острую – не смогла сдержать вздох, на что тот отреагировал еще настойчивее погрузив пальцы в лono. Потом резко вышел и снова вошел, еще туже и она поняла, что уже не пальцами – вскрикнула!

Это было странное чувство, напряженное и... сладкое. Волна возбуждения подхватила тело девушки, и она почувствовала, как сотни маленьких искр побежали по коже.

Он схватил ее за запястье и талию жестче, больнее, словно хотел поглотить своим телом, и девушка почувствовала, как начали двигаться его бедра. Вперед – назад, продвигаясь плоть в плоть все глубже, хотя за секунду до того уже казалось, что он вошел весь. И так снова и снова, пока мужчина не уперся в преграду внутри нее. Она чувствовала, что он заполняет ее. Так туго и больно, но так волнительно и приятно. Девушка непроизвольно сделала то, чего никак не ожидала – притянула его к себе и застонала, нет... не может быть – от наслаждения... и он ответил ей таким же стоном.

Мужчина начал двигаться быстрее, причиняя больше боли, но не только. Теперь искры и пузырьки сконцентрировались внутри, в ее лоне и словно собирались там. Имперец снова зарычал и стал двигаться настойчивее. Энергия внутри, это напряжение в месте соприкосновения их тел, все скапливалась. Девушка чувствовала, как растет и его напряжение. Ей казалось, будто он чувствует все тоже самое и

ускоряется именно *в тот* момент, в *нужный* момент... а потом все вокруг словно взорвалось. Энергия, пузырьки и искры, скопившиеся внутри нее выплеснулись и разнеслись по всему телу!

Они застонали одновременно. Она открыла глаза и увидела перед собой его расслабленное лицо, его влажный лоб. Девушка почувствовала, как напряжение внутри спало, и он вышел из нее, оставив влагу с внутренней стороны бедер.

Мужчина немного отдышался, а затем встал и ушел в ванную, не оборачиваясь. Девушка же не решалась пошевелиться и только когда за ним закрылась дверь, немного привстала, чтобы посмотреть на себя.

Покрывало кровати под ней было испачкано в крови. Кровь была на ее бедрах и выше на талии, отпечатками пальцев покрывала кожу. В этот момент ей стало так стыдно и противно, что внутри все свело холодной судорогой, а из груди против воли вырвалось сдавленное рыдание.

Глава 3. Путь во мгле

Он пробыл в душе совсем недолго, не дал ей пережить случившееся, погрузившись в горькие слезы. Девушка умолкла едва имперец снова появился в комнате – высокий, крепкий, весь облаченный в черное с золотым. Не сказать, что в военной форме империи он выглядел более грозно, чем и вовсе без нее – этот мужчина устрасал благодаря своей внутренней силе и тяжелому взгляду человека, который видел много жестокости и не раз принимал суровые решения.

В его присутствии она сжалась, собрав вокруг себя испачканную простынь, чтобы как—то скрыть свой стыд – кровь и наготу. Он сделал вид что не заметил этого и подошел к столу, чтобы вновь открыть экраны и сделать несколько пасов над ними, даже не сев в кресло.

– Мне не нравится твое имя. – Бросил он не оборачиваясь. – Я хочу, чтобы ты придумала другое, пусть будет что—то значить для тебя. И не такое короткое. О тебе позаботятся, я уже распорядился, если тебе что—то нужно – они принесут. Разумеется, если это не будет противоречить правилам.

Покончив с делами, имперец свернул экраны и, опершись на стол, пристально посмотрел прямо на нее. Заплаканная девушка нервно отерла слезы с лица, в горле ее застрял ком рыданий из—за которого началась неконтролируемая ико-

та. Вероятно, из—за всей жалкости ее вида мужчина поморщился и, не сказав больше не слова, направился к сплошной стене, в которой на миг оформилась дверь, которая сразу же слилась со стенными панелями, стоило ему за ней скрыться.

Оставшись одна, в полной тишине, девушка наконец смогла разрыдаться – выпустить из себя этот ком боли. Ей было страшно и больно... и вместе с тем стыдно. Все эти эмоции смешавшись в одно мешали сосредоточиться и просто подумать над тем, что же делать дальше. Охваченная жалостью к себе, она вскочила и на негнущихся ногах поплелась в душ. Там, включив воду, такую горячую, какую только можно было терпеть, принялась смывать с себя кровь... и его...

Такой грязной и униженной девушка не чувствовала себя никогда! Даже проведя несколько суток в отстойнике для отработанной воды в котором их, беженцев с Карезии, переправляли повстанцы из корпуса Кри.

Смыв с себя все, растерев кожу до красноты, до боли она выключила воду и просто опустилась на пол, прижавшись к теплой керамической стене душевой. Ее больше не душили слезы, на смену им пришла какая—то всепоглощающая тишина – буря эмоций, пережитых ей за последние полчаса или час... или более – она потеряла счет времени, выжгла в ней все до капли. Но вместе с этой тишиной пришли безразличие и принятие, а следом за ними спокойствие... и необычайная решимость.

Он сказал, что оставит ей жизнь – не это ли было ее

последней ценностью?

Карезийцы верили в не случайность и предопределенность человеческой судьбы: все разумные существа в представлении ее народа были больше, чем то, чем являлись в этом мире.

Телесная оболочка и жизненный путь в их понимании, представляли собой испытание, которое должен был пройти каждый, преодолев предначертанное от начала и до конца. Какой бы она не была, нельзя отказываться от жизни, иначе можно было возвращаться сюда вновь и вновь, чтобы снова и снова испытывать на себе тяготы и лишения, переживать болезни и мучения, связанные с потребностями слабого бренного тела, так или иначе обреченного на смерть.

Умереть рано для карезийца, значить почти наверняка вернуться сюда вновь, причем оказавшись в еще более худшем положении, чем раньше. *Правильная смерть*, освобождающая, наступает в глубокой старости или от тяжелой болезни – в ситуации, в которой человек не может решить, жить ему дальше или умереть.

Даже карезийский воин не может позволить себе погибнуть безрассудно, только если иного просто не дано. Поэтому многие ошибочно почитают их трусами и слабаками... но ведь это совсем не так! *Просто они знают истинный путь и следуют ему одни из всех.*

Ее соотечественники всегда ценились в качестве пленников и рабочей силы. Ведь они не жертвовали собой пона-

прасну; среди людей их народа не распространен суицид, и карезийцы редко отваживались на убийство своих надзирателей или даже мучителей... ведь если плохо сейчас, то закончив все по своему желанию, пришлось бы обречь себя на еще более страшные муки...

Согласно их вере, все существа, наделенные разумом священны – имеют божественную природу, а потому любое убийство – это высшее зло. Все они, даже имперцы – дети Создателя, который ждет их возвращения в своем сияющем чертоге, чтобы разделить со своими чадами вечность, мудрость и блаженство от осознания и понимания всего сущего – знания ответов на все вопросы. Но для того, чтобы воссоединиться с отцом, каждый должен пройти свою дорогу судьбы, приобрести знания и опыт, которые позволят говорить с Создателем, созерцать Его, слышать и понимать все, что Он готов разделить.

И пройти путь нужно было до самого конца. В представлении карезийцев, после смерти их встречала солнцеликая Маат – первая из созданий. Она определяла честно ли была прожита отведенная жизнь и, если нет, отправляла вновь прибывшего обратно, решая к тому же, насколько тяжелую судьбу он должен принять теперь.

Эта вера была негасимым маяком на пути каждого карезийца. Она помогала справиться с любыми трудностями, наделяла представителей ее народа такими качествами, как упорство в труде, жажда жизни и умение довольствоваться

малым, находить улыбку солнцеликой Маат в любой ситуации. Ведь, только пройдя путь до самого его конца, можно было воссоединиться с теми, кого любил за все свои жизни, узреть своего Создателя и наконец обрести покой.

– Значит таков мой путь? – прошептала девушка, не то вопрошая пустоту, не то утверждаясь в своей правоте.

Она может выжить, но даже если это случится, не сможет больше жить среди своих, ведь останется девушкой не только без семьи, но и без чести...

Никто не поверит, что она продолжила следовать пути, потому что рядом не будет ни одного карезийца, который смог бы это подтвердить, поставив на кон свою жизнь. Сироту, пожилую женщину или даже вдову могут вновь принять в семью, назвав своей сестрой, теткой, дочерью или женой... даже если она была изнасилована, изранена и покалечена. *Но не ту, что была в плену.*

Свобода – обязательное условие чистоты и доказать, что ты оставался свободным духом и не воспринял тлетворную веру других, тем более имперцев, не участвовал в их ритуалах и не возносил хвалу их богам, может только тот, кто, как и ты, следует пути и будет готов поручиться собственным воссоединением с Создателем.

Выжив, она станет отшельницей, только так можно будет пройти путь до конца. Ни одна карезийская семья уже не сможет ее принять... а значит придется научиться жить иначе, в одиночестве, без опоры, без племени и рода.

На Нарвиби вместе с ней работали и такие девушки, за их духовную чистоту некому было поручиться, и они жили с осознанием отсутствия своего будущего. Будь Карезия по—прежнему свободной, они могли бы присоединиться к общине серых плакальщиц и жить в сестринстве, продолжая свой путь. Но тогда им оставалось только молиться о том, чтобы Корпус Кри отстоял у имперцев звездную систему Нарвиби, где карезийцы со временем смогли бы отстроить свое поселение и восстановить хоть часть того, что имели на собственной планете.

Как знать, быть может война закончится, и сами имперцы выделяют остаткам карезийской нации место в своем мире, среди бесконечного числа завоеванных планет. Позволят продолжить следовать пути... и тогда она сможет присоединиться к вновь созданной общине серых плакальщиц. Жить пусть и не в семье, но в сестринстве, имея опору и место, где сможет найти покой в ожидании суда Маат и встречи с Создателем.

А значит нужно жить.

Он... ее господин, сказал выбрать себе имя, чтобы что—то значило для нее. И пусть брать себе его самой запрещено, это необходимо для того, чтобы продолжить путь, а значит в том она будет чиста перед солнцеликой.

Азенет – принадлежащая Создателю... и только ему.

Да, это не просто имя. Это протест, ведь имперец думает, что она принадлежит ему, но в самом деле это вовсе не

так, и она скажет ему это в лицо! А потом он сам всякий раз будет обращаться к ней так, признавая, что не имеет на нее никаких прав!

Девушка улыбнулась и внезапно почувствовала прилив бодрости и душевных сил. Встала и подошла к большому зеркалу у стены, запотевшему от пара, клубившегося в душевой. Провела по влажной глади рукой, открыв свое отражение – оттуда на нее смотрели все те же красивые зеленые глаза, но теперь в них не было страха. Это улыбка Маат озарила ее лицо, открыв истинный путь и подарив уверенность в будущем.

За стеной послышался шелест открывшейся двери и чьи —то быстрые шаги – от неожиданности Азанет словно пронзил электрический разряд. Она спешно схватила с полки полотенце и едва успела скрыть свою наготу, как дверь душевой отворилась, явив из клубов пара силуэт незнакомца...

Глава 4. Черное знамя Империи

Это был мужчина невысокого роста – чуть выше нее. Он был лыс и уже не молод, кроме того весьма нехорош собой. Несмотря на тонкость черт, выражение его заостренного лица отталкивало. Азанет он напомнил богомола – большие блеклые глаза, маленькие поджатые губы и очень узкий острый нос.

Парсианец – догадалась она.

Парсей был одной из первых звездных систем, оказавшихся на пути зарождающейся империи – они сдались практически без боя. Их правители примкнули бы к имперцам сами, но тем в то время еще не нужны были союзники. Первый император требовал полного подчинения, ведь согласно созданной философии весь обозримый мир и так принадлежал ему, просто еще не знал об этом.

Парсианцы умело воспользовались своим положением, а также несовершенством системы и законов империи того времени. Они заняли наилучшую роль из возможных – стали верными подданными императора, пусть и не по крови, но по духу. В их преданности и правда сомневаться не приходилось, но они по своей сути были больше похожи на рыб —прилипал, что живут на телах крупных морских обитателей, защищая их от паразитов, но не имея другой цели, кроме собственного благополучия.

Представители этой нации нередко занимали высокие посты, но в основном выполняли роли функционеров на местах, причем, в делах никак не касавшихся военных или стратегических сил империи. Иначе говоря, служили секретарями, поверенными и дворецкими. Большая часть парсианцев была вовлечена в систему торговых отношений между частями необъятной империи, единицы становились врачами, учителями, техниками...

– Меня зовут Коук, я префиарий командующего До Готта. Вы закончили с процедурами? – Холодно протараторил он, неприятным шелестящим голосом, таким, будто чья—то рука непрерывно сдавливала его горло во время разговора. – Я должен осмотреть вас и приступить к обучению. Ну же...

Мужчина сделал шаг в ее сторону и, схватив за плечо, впрочем, не имея цели сделать больно, вытолкнул в комнату.

Азанет растерянно оглянулась по сторонам, кроме них здесь были еще двое – седая женщина и девушка не старше пятнадцати лет. Обе были одеты в бледно—голубые робы, перехваченные широким черным поясом, а волосы их были коротко острижены и зафиксированы каким—то блестящим составом. Они смотрели в пол прямо перед собой, слегка склонившись.

– О... обучение? – переспросила девушка.

– Да, о—бу—че—ни—е. – Как дурочке, по слогам повторил префиарий. – Для начала, позвольте поздравить вас с назначением. Поверьте, это просто удивительно, до каких вы

сот вы смогли подняться, иначе как чудом ваше спасение с Нарвиби не назовешь! Впрочем, благодарите генетику. В вашей семье было много рыжих?

– Нет... – Женщины, до того отстраненно смотревшие в пол, ловкими движениями стащили с нее полотенце и, едва Азанет успела охнуть от неожиданности и прикрыть наготу руками, уже надели на нее платье с пуговицами на спине, наподобие того, что уже было на ней раньше, но теперь ярко алого цвета. – Я ничего не понимаю...

– Все верно, для того и нужно обучение. – Устало вздохнул парсианец. – Люди – глупые существа, скажи им «молчи, не спрашивай ничего» – обязательно начнут делать обратное. Обучение нужно для того, чтобы ты все поняла и даже не смела мучить господина глупыми вопросами.

– Значит я могу спросить у вас, все, что хочу знать? – Робко осведомилась девушка. Женщины вокруг нее тем временем занялись непослушными рыжими волосами.

– Все так и не только. Ну, давай же, спрашивай, пока у нас есть время.

– Хорошо... я не понимаю слов, он и вы говорите со мной на моем языке, но эти слова...

– Во—первых не *он*, а господин или командующий До Готт, или просто командующий, если господин не разрешит тебе обращаться к нему как—то иначе. Во—вторых, какие именно слова тебе непонятны?

– Многие... цифия! Что это значит?

– Думаю, в вашем языке для этого более всего подходит слово «наложница», но оно неправильное, поэтому мы его и не используем. Язык, на котором говорят в этой части галактики вообще очень скуден на понятия, поэтому мы в скором времени и займемся изучением общеимперской речи... что ж «цифия» – это не просто наложница.

Видишь ли, создание семьи – это не для тех граждан империи, которые настолько верны нашим идеалам, что готовы отдать жизнь за них, вовсе не в метафорическом смысле. Но у всех есть потребности и если солдаты могут удовлетворить их в увольнении, воспользовавшись услугами специально обученных женщин, то для представителей воинской элиты это может быть сопряжено... с некоторыми проблемами.

Безопасность лидеров – это один из столпов мощи империи. Капитан, командующих даже самым маленьким батальоном не должен думать ни о чем другом кроме своего долга. Но, как я уже заметил, человеческая природа слаба.

Когда мудрые советники императора озадачились этим вопросом, была придумана своеобразная «должность» при военных чинах определенных рангов. Цифия может быть выбрана из любых народностей и наций, если она была проверена и одобрена в соответствии с протоколом. Другими словами, безопасна.

Такая женщина получает в империи статус ниже гражданского, но все же располагает определенными правами. Например, твоей жизнью теперь может распоряжаться только

полномочный имперский совет, ну и твой господин. Твоя жизнь приобрела ценность в глазах империи – ты должна радоваться этому, женщина! Кроме того, тебе будет предоставлено полное обеспечение, и ты даже сможешь получить некоторое образование. Иными словами, сможешь делать все, что позволит тебе твой господин.

– И... я смогу идти куда захочу?

Коук сипло рассмеялся, обнажив верхний ряд мелких кривоватых зубов.

– А куда *ты можешь захотеть* идти здесь? Ну, конечно же нет. Кому взбредет в голову выпустить карезийку на военном крейсере, не глупи. Да и зачем тебе это, твое место там, где твой долг. Возле этой кровати – добавил он, расплывшись в ехидной улыбке.

Азанет промолчала, постаравшись скрыть от жеманного парсианца то, как натянулось у нее все внутри от этих его слов.

– Префиарий – что это значит?

– Ах, знай своего врага в лицо, да? Только я тебе на самом деле не враг, а даже наоборот, единственный друг, потому что именно я буду заботиться о тебе до тех самых пор... а, впрочем, вопрос не о том. – Оборвал он свой ход мыслей и, откашлявшись, продолжил. – Я что—то вроде доверенного лица. Я одновременно сведущ в важных делах господина и слежу за тем, чтобы он ни в чем не нуждался. Думаю, правильнее всего меня можно было бы назвать его правой ру-

кой в том, что не касается непосредственно его служебного долга.

Женщины тем временем уже закончили с прической, сотворив на голове девушки что—то из локонов и кос, и, выудив откуда—то странные маленькие приспособления, принялись причудливым образом обрабатывать ногти Азанет на руках и ногах.

– Долга? Убийства людей и разорения мирных населенных планет?

Совершенно внезапная и от того еще более оглушительная пощечина обрушилась на ее правую щеку. Не ожидавшие нападения женщины—служанки бросились в разные стороны, спрятавшись за кровать и стол, а Азанет, совершенно оглушенная, поднесла руку к лицу.

Удар Коука рассек ей губу, вероятно из—за тяжелого перстня с большим красным камнем, который он теперь поправил на своей руке.

– А вот и первый урок. Стоит ли закрепить пройденное теорией или вам и так понятно, что подобные речи более недопустимы? Даже наедине с собой – добавил он, угрожающе приблизившись к ней.

Парсианец взял ее лицо за подбородок и немного развернул, чтобы рассмотреть порез.

– Мне очень жаль, будет заживать не меньше двух дней. Придется извиниться перед господином. Разумеется, он будет недоволен! Видите, на какие жертвы я готов идти, что-

бы позаботиться о вас. Не злоупотребляйте впредь моим вам доверием. Иначе будет плохо и вам и мне. Так, на чем мы остановились?

Шок от удара прошел и его место сменила сильная ноющая боль не только в щеке, но и в челюсти. Девушка провела языком по внешней стороне десен – солоноватый вкус свидетельствовал, что префиарий бил с вполне серьезным намерением причинить как можно больше боли.

– Понтий? Господин... упоминал понтия. – Сказала она, помедлив, начиная ощущать, как опухает щека.

– Понтий – это наставник, человек, который взял под опеку способного ученика и воспитал из него достойного воина империи. Понтием командующего До Готта является Корифей Мон Атто.

– Мон Атто... – повторила девушка. Глаза ее вдруг расширились – она знала это имя, в этой части света его нельзя было не знать!!!

– Да, я предполагал такую реакцию. Это тот самый Корифей Мон Атто, наместник Тонской звездной системы и нынешний владетель Нарвиби, твоей бывшей родины и еще двадцати двух обитаемых планет.

– Командующий До Готт...

Коук хитро улыбнулся и по—отечески отвел рыжую прядь от ее лица, как бы между прочим вновь коснувшись набухающего болезненного синяка. Разумеется, не случайно.

– Ну, вот. Теперь ты и начинаешь понимать.

Азанет отбросила его руку в сторону и отпрянула назад, чувствуя, как холодный страх поднимается по венам. Как он наполняет легкие, мешая сделать вдох, чтобы озвучить жуткую догадку:

– До Готт – это он? Это... о, Маат... это он – Черное Знамя Империи? – кровь ударила девушке в голову и оглушительно зашумела в ушах, так что она непременно упала бы, если бы стояла в тот момент и рядом не суетились служанки, обрабатывавшие огрубевшие от тяжелой работы руки.

– Так значит, вы прозвали нашего господина? Весьма помпезно... по—варварски, надо сказать. Ну, что ж, вероятно, правильный ответ – да. – Сказал префиарий, совершенно не скрывая гордости.

Черное Знамя – это было не столько имя конкретного человека, сколько именование космического корабля. О том, кто управляет самым смертоносным и «прославленным» крейсером в этой части звездной системы никто доподлинно не знал.

Корабль был не больше других того же ранга в составе Имперской Армады и Содружества, но отличался особым цветом обшивки, по слухам, сделанной не из стандартного, а из какого—то особого сплава редкоземельных металлов. Под действием солнечных лучей, при снятом силовом поле, она казалась всепоглощающе черной... непроницаемой. Появление Черного Знамени в составе наступления всегда губительно сказывалось на боевом духе обороны, потому что

об этом корабле, как и о том, кто им управляет ходили самые ужасные слухи.

Корабль—призрак, вестник тысячи тысяч смертей... Многие самоназванные очевидцы боев с участием Черного Знамени, утверждали, что он принадлежит группе наемников—людоедов, которым империя платит золотом и человеческими жизнями.

Что бы там ни было, ни один бой с участием черного крейсера еще не закончился поражением. Было ли то только его заслугой или нет – судить сложно, но шестилетняя оборона Нарвиби и трех ее лун, успешно проводимая хорошо подготовленным и вооруженным Корпусом Кри, была прорвана именно при участии того корабля, на котором сейчас находилась Азанет.

Но вовсе не эта новость оглушила ее, а осознание того, кому она теперь должна служить.

Внезапно, мысль о покорном следовании своему пути превратилась из печально—светлой, в горькую и давящую. Быть может, она не совсем верно поняла замысел Создателя, и он послал ее к этому... убийце детей и разрушителю жизней с совсем иной целью? Ведь, будь у нее возможность сразить самое сердце зла – Императора – она не сомневалась бы и пожертвовала бы собой, даже если б Маат после того навсегда закрыла для нее путь к Создателю.

Бесконечное колесо перерождений боли и смертей для одного, ради того, чтобы принести мир во все части галакти-

ки... слишком много мыслей в одночасье зароились в ее голове.

Глава 5. Рыжая на удачу!

Когда служанки закончили приводить ее в порядок, Коук удовлетворенно хмыкнул и набрал какую—то комбинацию на своем широком наручном браслете. Спустя несколько минут в проеме, вновь расступившемся в стене комнаты, появился знакомый ей мужчина – это был тот самый человек в белой форме, которого она увидела первым, среди всех ее новых знакомых. Ту встречу нельзя было назвать приятной и, увидев его вновь, девушка инстинктивно вскочила на ноги и отошла к противоположной стене.

Префиарий удивился ее поведению, противно хохотнул, сказав что—то мужчине в белом, на что тот кивнул, поставил на кровать небольшой серый чемоданчик с красным орлом, сжимающим кольцо и жестом указал Азанет вернуться к кровати.

– Что? Чего он хочет от меня?

Коук закатил глаза, словно все было в самом деле очевидно без слов, но ответил вполне терпеливо.

– Это доктор Дитт, главный судовой врач. Ты же не боишься врачей? Ему просто нужно тебя осмотреть.

Для того, чтобы понять, что отказаться от новой встречи с доктором Диттом вряд ли получится, вовсе не нужно было быть семи пядей во лбу. Потому Азанет недоверчиво, но все же вернулась на свое место.

Следуя указаниям человека в белой форме, она поочередно открыла рот, подняла руки и покрутила головой, дав осмотреть уши за затылок. Мужчина слегка дотронулся до ее распухшей щеки и внимательно рассмотрел ссадину на губе. После чего что—то спросил у префиария, на что тот ответил уже на карезском:

– Нет. У нас с ней возникло некоторое... недопонимание.

Доктор Дитт неодобрительно сощурился, но ничего не сказал. Только достал из чемоданчика белую продолговатую коробочку, размером с мизинец и протянул девушке на ладони, со словами:

– Мазь. Ушибы и царапины мазать. Бери – пригодится вся. – Голос его через маску звучал приглушенно. Интересно, что он прячет под ней, изуродованное лицо или только садистскую ухмылку? – Ложись на кровать вся, согни ноги в коленях.

– Что? – Азанет сделала вид, что не расслышала, но на самом деле ей просто хотелось убедиться в том, что она услышала все правильно.

– Что слышала. – Возмутился парсианец, кажется ему окончательно надоело возиться с глупой цифией своего господина, и он начал терять терпение. – Доктор должен осмотреть тебя после дефлорации.

– Дефлорации...

Мужчины переглянулись, а девушка покраснела, прекрасно поняв, о чем они и чего от нее хотят.

«Следовать пути никогда не бывает легко, наоборот, если ты переживаешь сложности и лишения, если с тобой происходит то, что заставляет тебя страдать физически или морально – значит, ты идешь в верном направлении. Значит, ты на своем месте.» – Так говорил ее отец. И как же хорошо, что его здесь нет, что он не станет свидетелем того, как низко она пала и на что ей приходится идти, для того чтобы вернуться к Создателю и к ним, своим любимым и близким. Интересно, сколько ее жизней в этом мире должно было оборваться ранее, чтобы в этой ей суждено было претерпеть столь много горя.

Азанет подобрала подол своего длинного платья и, забравшись на кровать с ногами, закрыла глаза. Ее мутило от одной мысли что этот человек в белом будет трогать ее там... а остромордый парсианец будет при всем при том на это смотреть...

Она не видела, но слышала, как доктор Дитт выложил из ящика какие—то медицинские приспособления и вздрогнула, когда его холодная рука в перчатке дотронулась до внутренней стороны бедра.

– Шире ноги.

Послушно расставив ступни, она стиснула зубы и еще сильнее зажмурилась, ожидая боли, но почувствовала только холод руки доктора – соприкосновение нежной, еще воспаленной плоти с его мягкой резиновой перчаткой. Затем что—то еще более холодное и очень тонкое проникло в нее

и Азанет содрогнулась всем телом. Сжавшись каждой своей мышцей, зажмурившись до появления белых мушек перед глазами, она лежала и мысленно следовала за движением этого предмета внутри себя. А он проникал все глубже и это ощущение обостряло чувство тревоги, которое вот— вот могло перерасти в панику – что они делали с ней? Зачем это все?

– Расслабишься – будет проще и быстро. Я посмотрю, на этом все. – Холодно сказал доктор в своей странной манере.

«Ну, конечно, ведь так просто расслабиться, когда двое имперцев ищут что—то у тебя под юбкой!» – раздраженно подумала девушка, но все же попыталась последовать совету.

Все закончилось неожиданно – Дитт вытащил холодное устройство быстрым движением, оставив внутри ее лона ощущение этого липкого холода. Затем, так же быстро сложил все извлеченное из чемоданчика обратно.

– Цикл рассчитан верно. Я отметил график посещений. Следите за гигиеной?

– С этим проблем не было. – Расплылся в улыбке префектурарий.

– Хорошо. С карези никогда не работал. Было много женщин арагос, когда работал на Тевтонге 9. Зачем таких выбирать в цифии? Станный вкус у командующего. А подчиненные, знаете, всегда стремятся угодить – берут то же самое. Будут еще карези?

– Нет, по крайней мере не теперь. Когда все уже было кон-

чено, группа Кри проникла на Мауин 1... вы разве не видели вспышку? – удивился Коук.

– Нет. Было много раненых, не покидал медотсек до вашего вызова.

– Что ж, тем лучше. Командующего Ха Надда больше нет. Уцелевшие штурмовики из его части получили право на полную зачистку. Остались только те, кого взяли в плен в первую очередь и успели доставить на корабли, среди них карези всего одна. – Мужчина пожал плечами и добавил, как само собой разумеющееся. – У командующего Ха Надда служило много наемников, это не истинные имперцы. Горячая кровь требует выхода, и Совет это понимает, а иногда и поощряет, как теперь.

– Повезло ей. Рыжая на удачу – андар матрэй... – Пожал плечами доктор Дитт и направился к выходу.

– Андар Матрэй. – отозвался в ответ префиарий и обернулся к своей подопечной.

Девушка сидела на кровати, застывшим взглядом уставившись в стену, в которой была спрятана дверь, до побеления костяшек пальцев вцепившись в собственные колени.

Они убили всех?

Ну, разумеется он не просто так затеял этот разговор именно на карезском при ней. Префиарий хотел, чтобы она услышала его. Хотел еще раз ткнуть ее носом в то, что она избранная и должна это ценить!

Пять тысяч ее соотечественников! Почти пять тысяч нашли убежище под защитой Корпуса Кри... и что же... всех их больше нет? Это немыслимо!

А что, если в самом деле не уже нет, а скоро не будет? Что если все это еще не произошло, а прямо сейчас происходит на пылающей Нарвиби?

Азанет ходила из угла в угол комнаты, до боли прикусывая травмированную губу и заламывая руки, силясь привести в покое мысли. Но этого было слишком мало – щемящая боль теснила сердце в груди и туго скручивала узел где—то пониже желудка. Ее тошнило, ей хотелось плакать, потом бить кого—нибудь со всей силы, пока жизнь не покинет его тело. Хорошо бы этим кем—то оказался Коук, который час или более назад, удовлетворенный произведенным эффектом, молча удалился из комнаты вместе со служанками. Или нет... какой прок от смерти Коука – смерть командующего До Готта принесла бы больше пользы... смерть Черного Знамени, во имя всех невинных жизней, что он отнял!

– Только послушай себя, как ты можешь такое говорить... – сама себе прошептала девушка и опустилась на колени прямо посреди комнаты, закрыв руками глаза, полные горячих слез.

Все разумные существа, даже те, что не следуют пути – дети Создателя и для каждого из них у него есть план. Нельзя просто так отнять жизнь, если от этого не зависит твоя собственная и выбора нет... даже у такого человека, как он,

даже у такого как Корифей Мон Атто и... Император...

Следовать пути тяжело, но вера – единственный маяк во тьме, что сгустилась сегодня в небе над Нарвиби, ведь все, кто погибнет, если то был их истинный путь, отправятся прямо к Создателю, беспрепятственно минуя врата солнцеликой Маат.

Но облегчение от этих мыслей не наступило.

Быть может потому, что ей хотелось вовсе не облегчения, а мести? Настоящей, кровавой, такой, которой сейчас следуют те выжившие наемники, которые зачищают Нарвиби?

В комнате раздался знакомый шелест гидропривода и стенные панели разъехались в стороны, прежде, чем увидеть вошедшего, девушка сквозь пелену заплаканных глаз успела разглядеть ярко освещенный коридор и двух вооруженных людей в конце него...

Она не ожидала, что появившись он перед ней вновь, испытает настолько сильное чувство ненависти. Азанет бросило в жар, при том, что руки и ноги ее наоборот онемели.

Она боялась его и ненавидела в тот момент так ярко и душно, что будь у нее нож в руке или хоть что—то, кинулась бы на него не задумываясь о пути и всем том, во что верила всю свою недолгую жизнь.

Глава 6. Осталось только поверить

Он вошел, как и прежде, не замечая ее, словно мебель – привычную часть обстановки... но буквально споткнулся о решительный взгляд девушки, остановивший его в дверях.

Должно быть, мужчина знал его... непременно знал! Сотни, а то и тысячи раз видел в глазах тех пленников, родственники которых остались на захваченных планетах, расстрелянными *его* людьми, по *его* приказу.

Командующий До Готт внимательно посмотрел на нее, заплаканную, сжимающую кулаки, стоящую перед ним на коленях в центре *его* комнаты на *его* корабле. Кивнул, каким—то своим мыслям и сделал то, чего она могла бы ожидать меньше всего.

Рассмеялся.

Не зло или издевательски, а светло, будто она в этот самый момент скорчила ему глупую рожицу. Сложно было вообще представить, что этот человек смог бы улыбнуться, особенно в нынешней ситуации!

Это озадачило девушку настолько, что былая решимость пошла прахом и Азанет медленно встала, провожая взглядом смеющегося мужчину, который дошел до стола и рухнул в кресло, устало прикрыв глаза.

– Знаешь такую поговорку: «глупцы боятся своих желаний, а мудрецы их никому не озвучивают»?

Она промолчала, ожидая продолжения его мысли.

– Нет, не знаешь? А, не важно... кто там разберет, чему вас карезийцев еще жизнь не учит. – Он замолчал и сосредоточенно посмотрел девушке прямо в глаза. Жестко, испытующе, как делал при первой встрече... но взгляд, как сделала бы прежде, она не отвела. – Удивительно! И что же этот старый мозоль с тобой такого сделал? Опять молчишь? – Спросил он, понизив тон и подался вперед.

Сердце в груди Азанет сжалось и забилося быстрее, а руки похолодели – вернулся страх. Но не тот, что прежде, не парализующий, а скорее настораживающий, как у дичи, почувшавшей на себе взгляд хищного зверя.

Без предупреждения он сорвался с кресла, как с низкого старта, но и она, почувствовав его намерение, устремилась к единственной преграде, которая смогла бы ее защитить – двери в душевую. Все произошло мгновенно и у нее здесь просто не было шансов, как не было бы и в любом другом пространстве, ведь командующий был намного выше нее, больше и несравнимо сильнее.

Мужчина молниеносно преодолел пространство до душевой, несколько опередив ее, не успевшую даже увидеть маневр и кинуться в другую сторону. Перехватив поперек талии, он легко подтолкнул ее к стене, завел руку за спину и прижал собой так, что маленькая, тонкая девушка, перестала доставать ногами до пола, но хуже того – теперь еле могла дышать.

– Отпусти! – хрипло выдохнула Азанет, хватая ртом воздух – и он немного ослабил свой напор. Совсем чуть—чуть, чтобы она смогла дышать, но не двигаться.

Его лицо было совсем рядом, она чувствовала дыхание – оно обжигало ее затылок и шею ниже... Секунду помедлив, он опустил лицо в ее густые рыжие волосы и глубоко втянул воздух, улавливая запах.

– Так, что же изменилось? – Этот его низкий, мягкий голос – слова, произнесенные так близко отдались внутри нее, затронув каждую мышцу и косточку, потонув где—то внизу живота и вызвав то странное ощущение, словно маленькие электрические разряды под кожей. – Утром ты боялась даже посмотреть на меня, не то, что сказать что—то против, а теперь играешь? Где же ты настоящая?

– Отпусти и узнаешь! – Выкрикнула она угрожающе, и едва не высвободила прижатую к спине руку, ведь он совершенно не ожидал, что она ко всему прочему посмеет сопротивляться.

– Вот как!? – сказал имперец и больнее, крепче сжал запястье, так что девушка застонала от боли. Этот звук что—то изменил в его дыхании, оно стало более частым и тяжелым. Мужчина прижался к ней ближе, чтобы наклониться к самому уху и Азанет почувствовала, как его твердая плоть уперлась ей чуть ниже спины. – Это было бы интересно. Отпустить тебя и посмотреть.

– Ты... – Внезапно ее снова захлестнули эмоции. Он дер-

жал ее, прижатой к стене так, что не шевельнуться и не вдохнуть полной грудью. Держал крепко и больно, его горячее тяжелое дыхание обжигало ее, а сам он был волен делать с ней все, что хотел. Прямо сейчас, в то время как на планете под ними происходит настоящий геноцид ее народа. И она ничего не могла сделать, кроме того, чтобы сдаться. – Да как же ты можешь? – Выкрикнула она, захлебнувшись слезами и обмякла, перестав сопротивляться.

Смена настроения озадачила командующего. Он отстранился от рыдающей девушки и немного погодя высвободил ее руку. Аккуратно отпустил, развернув к себе лицом. Мужчина держал ее за сотрясающиеся в беззвучном рыдании плечи и просто смотрел. На то как девушка беспомощно скрыла в ладонях лицо, на то, как опустила голову, не в силах больше держать ее прямо и смотреть ему в глаза.

– Коук рассказал про Мауин 1. – Озвучил мужчина свои мысли, а Азанет дернулась в ответ, высвободив плечи и просто опустившись вниз, к его ногам. Командующий не пытался ее остановить, он постоял еще немного, смотря на свою цифию сверху вниз и отошел, вернувшись с бокалом, до половины наполненным золотисто—желтой жидкостью. – Пей. – Скомандовал он, протянув ей его, но девушка только сильнее прижала ладони к лицу. – Я сказал – «Пей»! – повторил он громче и совсем другим тоном, от его интонации и злости прозвучавшей в нем, Азанет испуганно отшатнулась – это была настоящая угроза, за которой, она была уверена,

могло последовать все, что угодно.

Отчаянно икая, девушка взяла из рук мужчины бокал и приложила к губам – их обожгло чем—то едким, а в нос ударил терпкий сладковатый аромат. Она прежде не пробовала алкоголя, но это определенно был какой—то его вид. Азанет попыталась оттолкнуть бокал, но мужчина приподнял его дно, не позволив. «Пей до дна» – сказал он все тем же приказным тоном. И она выпила.

А затем командующий сделал нечто совершенно странное, воспользовавшись ее замешательством после целого бокала – наклонился над ней и неожиданно поднял, ловко подхватив, точно она ничего и не весла. Мужчина сделал это так быстро, что она даже не успела сказать «нет» или оказать хоть какое—то сопротивление, а когда наконец поняла, что случилось было уже поздно.

Золотистая терпкая жидкость расслабила почти мгновенно – жаркое тепло медленно распространялось по всем меридианам ее тела, лишая желания сопротивляться, которого и так почти не осталось из—за всего, что произошло в этот бесконечный день.

Азанет отвернулась от имперца, старалась не смотреть. Но нельзя было не ощущать силу его рук, прижимавших ее к твердому торсу. Было странно... странно отвратительно... и странно приятно... Находясь так близко к нему снова, она почувствовала, как что—то тяжелеет внизу ее живота, томно тянет, как тогда, когда он склонился над ней утром, когда

проник в нее пальцами и не только...

От командующего имперским флотом пахло чем—то древесным и теплым... так же, но сильнее пахла его кожа, когда он поднимался и опускался над ней, вызывая это тянущее чувство внизу живота. Такое же, но намного яркое — готовое взорваться в следующую же секунду и разнести по венам разряд маленьких электрических искр или шипучих пузырьков.

Азанет почувствовала, что До Готт смотрит на нее и открыла глаза. Мужчина держал ее на руках возле кровати и пристально рассматривал.

Сейчас девушка была полностью в его руках, в его власти и не смогла бы сопротивляться, да и не стала бы...

Он аккуратно опустил ее на кровать... лег рядом на бок, близко, почти вплотную.

— Пожалуйста. — Прошептала она, не увидев, а ощутив, как его рука скользнула к бедру и двинулась выше и выше, под тонкое красное платье. Азанет посмотрела на мужчину снизу вверх — темные глаза До Готта казались совсем черными из—за расширившихся от возбуждения зрачков.

— Тебе нужно забыть. — Сказал он, все же убрав руку. — Тебе пора понять, что ты уже не с ними.

Мужчина приподнялся и сел в постели возле ее ног. Его верхняя одежда состояла из широких по—военному скроенных брюк и плотной куртки на заклепках с высоким воротником—стойкой.

Он начал сверху, медленно расстегивая ремни и заклепки одну за другой, на что ей оставалось только смотреть, как кролику на пассы питона, усиливающего хватку.

– Я знаю, карезийцы верят в священный путь к Создателю, в предопределенность жизни. Но откуда тебе знать, что тебе не предопределено именно это. Выжить несмотря ни на что и занять место в числе прочих слуг империи. Здесь. Рядом со мной.

До Готт скинул с себя черную куртку и одним движением стянул через голову черную же майку, оказавшуюся под ней. Широкоплечий, подтянутый... за нечастыми полосами старых шрамов выделялись четко очерченные, крепкие бицепсы, мускулы груди и пресса. Как она вообще могла подумать, что сможет хоть сдвинуть его с места или оказать какое—то сопротивление.

Одним движением он подтянул ее к себе, оказавшись меж ног и нежно провел руками вверх по внешним сторонам бедер. От колен и выше, завернув к попе, чтобы нежно сжать в руках ягодицы и придвинуться к девушке еще ближе.

– Тебе не нужно решать. Ты уже решила сегодня утром, тебе осталось в это просто поверить. – Сказал он тише, склонившись к ее животу и поднявшись к груди, так словно пытался что—то ощутить, рассмотреть или ожидая разрешения, чтобы прикоснуться к ее телу губами. В этот момент, вибрации от его глубокого голоса, достигли предельной концентрации. Внутри девушки, словно натянулась какая—то

тонкая струна, которая вот—вот должна была разорваться, наполнив все вокруг своим звоном – и она подалась вперед, следуя этому велению собственного тела. Двигаясь в такт, мужчина жадно обхватил ее талию ладонями и поцеловал в солнечное сплетение.

Что—то произошло и с ним обоими – движения мужчины стали более резкими и скорыми. Он собрал красное платье на ее бедрах и потянул его вверх, чтобы обнажить ее груди с затвердевшими чувствительными сосками – прильнуть к ним жадно и горячо.

Почувствовав его губы на своей коже, она сладко застонала и подалась вперед, желая получить еще больше этого сладкого яда. Голова немного кружилась от спиртного, но это не притупляло ощущения, а делало ее более открытой его настойчивым его движениям. Позволяло забыть то, что она забывать не должна, но...

Охваченная возбуждением, Азанет и не заметила, как он стянул с нее платье, а с себя брюки и остался с ней один на один, совершенно без каких—либо преград. Его рука скользнула ниже, и он провел жесткими, сильными пальцами по нежным лепесткам ее губ, ощутив выступившую на них влагу – это распалило его еще больше.

Мужчина завел свою руку за спину девушки, чтобы схватить за рыжую копну волос и немного отвести назад голову, освободив доступ к грациозной белой шее. Он жадно впился губами в гладкий бархат ее кожи, а она в ответ подалась впе-

ред, позволив приподнять себя и... Азанет совсем не ожидала этого – усадить прямо на его затвердевший член. Он вошел в нее туго, но быстро, скользко, не как в первый раз. Было больно, но еще более было сладко. Он дал ей секунду прийти в себя, прежде чем опустил руки на бедра девушки, чтобы направить движения в ритме, который им обоим обещал принести наслаждение.

Двигаясь вперед и назад под надзором его крепких напряженных рук, она поймала затуманенный взгляд До Готта и запустила руки в густые черные волосы, от чего он издал низкий протяжный стон и сильно направил ее к себе. Поняв, что до этого он вошел не до конца, девушка едва не вскрикнула от внезапной, резкой боли, пронзившей все ее лоно. Но любовник уже изменил свое положение, подхватив ее руками под ягодицы и направив вверх и снова вниз, опять и опять...

Это было не быстро, но сладкая истома постепенно заполнила низ ее живота взамен резкой боли от его полного погружения в нее. В этот момент она поняла, что хочет повторить этот внезапный взрыв внутри, который сразу после сделал ощущение острее и ярче.

Склонившись к нему, она нежно укусила его за мочку уха и ниже, туда где на шее выступала пульсирующая от напряжения яремная вена.

– Я хочу тебя всего, глубже, еще раз. – Прошептала она, почувствовав, как моментально отреагировало его тело – дрожью и новой волной возбуждения, сделавшей его член

внутри нее будто жестче и толще.

В ответ на слова Азанет, мужчина повалил ее на простыни, не покидая лоно целиком и, крепко притянув ее к себе одной рукой, второй зафиксировал оба ее запястья над головой и вошел глубже, но не стал делать этого сразу. Толчками, постепенно, он увеличивал свой напор причиняя невыносимое удовольствие – боли больше не было, но теперь она ощущала его всего, как и хотела – он заполнял ее, как пустое пространство, которое все это время жаждало именно этого.

Отзываясь на его движения, девушка ощутила какое—то невероятное единение. Чувство бесконечной близости, цельности – они словно слились в одно, ощущая в этот момент абсолютно те же самое, словно были в самом деле одним человеком.

Теплая волна за волной приливали к низу их животов, заставляя искриться гормоны в крови, а сердца будто пропускать удары в томном предвкушении разрядки. Они оба почувствовали это – приближение момента – и увеличили темп.

Он входил в нее снова и снова, целиком, до самого упора, до натяжения мышц и истощения собственных сил, снова и... это было ярко и желанно, как глоток холодной воды в очень жаркий день. Она достигла пика первой, а затем и он излился в нее и повалился рядом совершенно без сил. Но вместо того чтобы уйти сразу, как в прошлый раз, притянул девушку к себе, настойчиво заключив в объятия.

Глава 7. Его глазами

Рыжие волосы каскадом разметались по жемчужно—серому атласу. На светлой ткани они смотрелись еще контрастнее, ярче. Он никогда прежде не видел такого оттенка; обычно рыжеволосые имеют более светлый тон, отчего выглядят блекло. Но ее цвет был насыщенным, темным, особенным.

Да, женщины красят волосы, должно быть и не в такой цвет, но это всегда видно – фальшь и притворство отвратительны по своей сути. Неприятие себя, на его взгляд, уродовало еще больше, чем отсутствие естественной красоты.

Но она была красива. Как же она была красива!

Он подхватил с подушки ее локон и расправил на ладони.

Откуда пошло это суеверие, что рыжие приносят удачу? Вероятнее всего, как и другие женщины, рыжие являются неисчерпаемым источником проблем. Взять хоть ее – чуть больше суток на корабле, а он словно только и занимался все время тем, что решал вопросы, связанные с ней... конечно же нет. Но забот стало определенно больше.

Сложнее всего было не принять подарок, а решить, как себя с ним вести.

"Подчинение требует четких, простых указаний и обрисовки явных границ. Лидер должен поставить себя высоко и убедиться в том, что правила поведения и субординации были усвоены, прежде чем приступить к руководству." –

Только так можно добиться от человека исполнения обязанностей.

И все же, как выяснилось позже, это хорошо работало с подчиненными на службе, но совершенно не годилось постели. Потому что, как бы он не пытался себя убедить в обратном, в спальне ему нужны были эмоции, а не еще один солдат беспрекословно следующий приказам.

В этом были свои преимущества и недостатки.

Покупать наслаждение проще... но секс с ней был совсем не похож на то, что он испытывал раньше. К привычному коктейлю удовольствия добавилась новая специя – обладание. Она была его и больше никто не имел на нее прав... и это так заводило, что посетив ее утром, он не мог дожидаться окончания дел, чтобы вернуться в свою каюту.

Может и прав был господин Мон Атто, в том, что настоял на своем и, несмотря на все его отговорки, распорядился о поиске подходящей женщины.

"Все мы люди и только потом командиры и подчиненные. Для мужчины нет лучшей разрядки, чем постель с согревшей ее женщиной. Ну, а если нет такой, начинаешь искать иной способ выпустить пар. Смотри, командующий, однажды можно ведь и до смерти забить кого—то за не по форме застегнутый ремень."

И все же До Готт до последнего отказывался от назначения ему цифии, ведь это лишняя трата времени и сил – содержание женщины на боевом корабле, думал он.

Во—первых – размещение. Нет, разумеется, как командующий он занимал целый сектор, фактически состоящий из пяти кают – но, как человек непривыкший к роскоши, едва приняв назначение, отказался от сей привилегии в пользу практичности, разместив в просторном отсеке ближний круг офицеров.

Во—вторых – ответственность. Поскольку цифия находится в непосредственной близости к своему владельцу, за все ее действия отвечает тоже он. Что, если вспомнить историю с Каэрой, принадлежавшей командующему Са Ваггу – может иметь весьма плачевные последствия.

Женщина совершившая едва ли не самое дерзкое и почти удавшееся покушение на Императора, не просто разрушила карьеру Са Вагга, а привела к краху всю его семью, включая младших братьев и даже племянников.

До Готту удалось избежать наделения этой привилегией после победы на Марионе и даже после битвы за станцию Кеплер—12! Он ушел бы от неудобного вопроса и теперь, если бы господин Мон Атто не уговорил его «по крайней мере взглянуть на то, от чего он отказывается».

Подарком была хрупкая, тонкая девушка с копной волос невероятного цвета – ее длинные ресницы были очерчены четко и слегка подрагивали, пока их обладательница находилась в искусственном сне. Яркие аккуратные губы, которые смотрелись по—детски невинно из—за того, что верхняя была слегка больше нижней, мягкая линия подбородка и

высокие скулы... Она лежала обнаженной на металлическом столе и ему сказали, что если он не примет положительное решение, то ее придется утилизировать, потому что карезийка не представляет фактической ценности.

До Готт почти отказался, но вдруг сам с удивлением осознал, что сомневается.

«Если ты сомневаешься в своем выборе, значит ты на самом деле уже выбрал» – так, кажется звучит та пословица.

И это действительно было так.

Сразу после, когда прошло наваждение, он подумал, что зря поддался уговорам, что просто согласился под действием момента – ведь благодаря его стратегии только что пал рубеж сопротивления, который объединенная коалиция империи и содружества не могла переступить без малого шесть лет!

Он принимал поздравления; Корифей Мон Атто сказал, что лично расскажет Императору об успехах своего ученика и велел по крайней мере ознакомиться с подарком, сказал, что после такой крупной победы, командующий его ранга просто обязан взять себе трофей на удачу.

Это было тяжело.

Нет, управлять людьми достаточно просто, если они к этому готовы, тем более с талантом До Готта к манипулированию и его тонким чутьем. Но перед ним была запуганная чужеземка, не имеющая ни малейшего понятия о порядках Империи.

Да и он сам был в растерянности, потому что не знал, что

хотел получить. Впервые не знал, что делать!

Ее можно было сломать, это было проще всего – использовать по назначению, так делают многие. Но какой бы тогда с нее был прок? Таких девушек он покупал на одну ночь, когда представлялась возможность – не любопытные, покладистые, молчаливые. Во время секса лучше не смотреть на них – пропадает всякое желание, они либо молчат, отстраненно глядя вдаль, либо, что еще хуже, изображают страсть, которой нет... а он ненавидел фальшь больше всего. Она была первой в его списке самых отвратительных вещей.

Став такой, она бы очень быстро перестала его интересоваться, но избавиться от цифии не так—то просто, ведь эта «должность» фактически дарит наложницам гражданские права, пусть и временные. Это делается для того, чтобы у неаккуратных господ была возможность официально признать нажитых от цифий детей.

Для того чтобы избавиться от опостылевшей женщины, пришлось бы лично доставить ее в Верховный совет, а затем передать в специальный отдел, который, только убедившись в том, что она не выдала посторонним никаких важных секретов, поставил бы вопрос о ее ликвидации. Верховный совет, разумеется, принял бы положительное решение и отменил бы дарованные ей права, но все это тянулось бы и тянулось, причиняя всем уйму неудобств.

И все же в ней было что—то такое, что заставляло его хотеть большего. Рыжий цвет волос, такой редкий среди людей

в наше время? Естественная, не испорченная новомодными улучшениями красота? Беззащитность туземки, обреченной на смерть без его помощи?

Об этом он мог подумать и после. Главным было то, что она была ему интересна и, что уж там, вызывала желание своей хрупкой складной фигурой, редкой гармоничной красотой...

Тогда он решил вести себя с цифией так же, как и с любым другим подчиненным... ну почти. Это сделало ее испуганной и покладистой. Слишком покладистой. Трахая ее в первый раз, он не мог отделаться от мысли, что с тем же успехом мог не разговаривать с ней вовсе, а просто приставить нож к горлу. До тех самых пор, пока она не запустила руки в его волосы и не притянула к себе. Это был важный момент, в одно мгновение он несколько раз изменил свое решение с того чтобы грубо осадить ее, запретив прикасаться к себе, до того, чтобы позволить ей больше.

Он понял, что ему хочется, чтобы она так делала, чтобы не боялась его, а возможно даже и могла дать отпор. Мысль об этом завела его и одновременно озадачила – по всему получалось, что он хотел, чтобы наложница желала его, как любовника, а не просто исполняла долг. Но ведь чувства – это не то, чему пристойно быть между цифией и ее господином.

На будничный вопрос префиария, о том, доволен ли он рыжеволосой карезийкой, До Готт без задней мысли ответил, что будь она еще более покладистой, он перепутал бы ее со

стулом или спинкой кровати. И этот услужливый идиот не придумал ничего более уместного, чем рассказать девочке о том, какой финал был избран Императором для ее планеты.

Несомненно, справляться с женской истерикой было во все не так интересно, как лишать эту карезийку девственности, но все получилось как нельзя лучше... и секс в этот раз был намного занимательней.

Воспоминание о недавней близости подняло в командующем волну возбуждения. Обнаженные изгибы ее тела будоражили воображение, и он подумал, что еще не брал девушку сзади... что было бы неплохо разбудить ее прямо сейчас и наверстать упущенное, тем более он был к этому уже совершенно готов.

Карезийка спала крепко, положив одну руку себе на грудь, ее тонкие длинные пальцы едва касались одного из маленьких круглых ореолов. Рот приоткрыт, длинные ресницы тревожно подрагивают... командующий До Готт не мог вспомнить, как давно позволял себе отвлекаться на что—то столь же прекрасное и решил не будить ее. К тому же, вероятнее всего, девушка слишком устала для того чтобы снова подарить ему не только физическую, но и эмоциональную разрядку.

«Для этого еще будет время... много времени. А физическую разрядку можно получить и в тренеровачном зале.»

Он поднялся с постели аккуратно, чтобы не разбудить ее и, собрав по каюте разбросанные вещи, оделся, рассматривая обнаженное тело на своей постели.

Пожалуй, подарок понтия все же пришелся ему по вкусу, и пора было перестать это отрицать, хотя бы самому себе.

Глава 8. Галлская Фурия

За пределами Танатоса – 4, известного в этой части галактики и под другим названием – Черное Знамя Империи, неторопливо вращалась Нарвиби. С такого расстояния не было видно каких—либо изменений в ее ландшафте; горящих поселений, разрушенных городов или тел, которые теперь щедро устилали все дороги к местам высадки имперского десанта.

Желто—зеленая планета с подземными океанами и реками очень скоро будет очищена и передана в управление Содружеству, которое наладит производство полезных материалов, продукции, добычу ископаемых. Заселит Нарвиби и, в конце концов, сотрет какие—либо следы той гуманитарной катастрофы, что разразилась здесь несколько дней назад.

Командующий До Готт толком не спал уже больше двух суток, но чувствовал себя удивительно бодро и более того, пребывал в отличном расположении духа. Это замечали и подчиненные. По крайней мере ему так казалось, когда он ловил на себе «другие взгляды» старпома, офицеров и даже низшего воинского состава. Хотя, дело скорее было в том, что все они уже слышали последние новости: командующий наконец обзавелся тем, что по рангу было положено получить еще восемь лет назад.

На корабле сложно оставить что—то в тайне, если об этом

предварительно не позаботиться, о чем До Готт не распорядился и теперь немного сожалел. Хотя... тем лучше – нарочитая секретность только привлекла бы излишнее внимание к делам, которые точно больше не касались никого на этом корабле.

И все же Титус До Готт испытывал некоторое смущение от своего нового положения. Как человек выросший в бедности и строжайшей дисциплине, он не почитал роскошь и особые привилегии, зная, что по сути они являются излишествами и больше мешают сосредоточиться на своем долге, нежели способствуют чему—то благому. А содержание собственной цифии – определенно было роскошью, совершенно недоступной более чем 95% личного состава его корабля.

Будущий командующий рано осиротел. Его отец, погиб при подавлении восстания в столице Империи, на Аргемоне Кемрийском, когда оппозиция власти Императора в последний раз рискнула поднять голову.

До Готт старший был обычным солдатом и просто не успел достичь чего—то значимого; всего за несколько недель до восстания закончил курсы летной подготовки и одновременно с празднованием первого дня взрослой жизни, окольцевал свою любимую женщину. И, надо такому случиться, плодотворно провел первую же брачную ночь.

Через девять месяцев родился Титус До Готт, унаследовавший все что было у его отца – имя, честь и многочисленные долги за обучение и проживание в столице, которые тот

должен был вернуть, поступив на службу.

Женщина, оставшаяся без мужа с маленьким ребенком на руках, в городе без единого родного лица и гроша в кармане, не смогла справиться с горем. В годовщину смерти мужа она выкинулась с моста перед Имперской Летной Академией, попросив ни о чем не подразумевающего прохожего помочь ей и пару минут присмотреть за ребенком.

Тем прохожим оказался молодой философ и будущий дипломат Корифей Мон Атто, который очень близко к сердцу воспринял произошедшее и пожелал проследить за судьбой подкинутого ему младенца.

А судьба была интересной.

Титус До Готт обнаружил свои не дюжие способности, как только вошел в ум. Он рос в хорошем столичном приюте для детей военных, где воспитанию мальчиков уделялось особое внимание. Его очевидный талант к пилотированию обнаружился очень рано, и как только способный ребенок дорос до гашетки истребителя, его отправили в Имперскую Летную Академию, чтобы сын смог пройти по пути своего отца.

Окончив ее на три года раньше срока, Титус столкнулся с теми, кто давно его ждал – кредиторами, за годы его взросления взвинтившими проценты по просроченным кредитам родителей просто до небес. Они потребовали от него справедливой уплаты долга и парень, по наивности, даже не подумал о том, что предъявленные ему драконовские проценты можно было уменьшить и даже оттянуть выплату долга

еще на несколько, а то и десяток лет.

Для него, юноши окрыленного мечтой о том, чтобы в служении родине увековечить имя своего трагически погибшего отца, выплатить долг за обучение было обязательным условием дани памяти родителю. А потому он беспрекословно согласился на предложенный теми кредиторами способ рассчитаться с долгами разом – принял трехлетний наемнический контракт на работу в поясе Галла.

От этого места старались держаться подальше даже прожжённые вояки, несмотря на внушительную оплату, которую сулили компании, добывавшие там рутений. И дело было далеко не в удаленности того места от благ цивилизации!

Рутений – благородный, ценный металл платиновой группы, крайне необходимый для создания высокотехнологичных элементов самых разных устройств. Он очень высоко ценится на черном рынке, потому что добыть его трудно, а все сколько—нибудь богатые рудники и по сей день принадлежат Империи и облагаются немалым налогом.

Пояс Галла буквально кишел любителями легкой поживы, потому что рутения там добывали много, а из—за удаленности от опорных баз Империи, защищали добытое из рук вон плохо. Не исправляли ситуацию и постоянные карательные экспедиции, проводимые различными имперскими министерствами.

Блуждающие охотники, базгулы, повстанцы из Корпуса Кри, караванщики и просто ловцы удачи из большого космо-

са – все жаждали урвать свой кусок этого страшно прибыльного пирога и необходимость в наемниках в поясе Галла не ослабевала никогда.

Туда—то и отправился шестнадцатилетний выпускник Имперской Летной Академии, пилот первого класса Титус До Готт.

Боевые вылеты начались с первого же дежурства. Сказать, что юношу спасло чудо, наверно было бы не совсем верным, потому что чудом там и не пахло. Едва не потеряв боевую машину после первой стычки с бандитами, , разумеется, по неопытности и чрезмерной самоуверенности, юноша понял свою ошибку и сменил тактику на более осторожную и вдумчивую. Применяя в деле освоенную науку и не переставая учиться в процессе, он очень скоро получил прозвище «Галльская Фурия» – за невероятную способность появляться там, где не ждали и истреблять всех захваченных в цель охотников до чужого рутения.

Карьера Титуса, несмотря на его юный возраст, стремительно пошла на взлет – всего год потребовался ему для того, чтобы стать командиром звена лёгких истребителей класса “Жнец” – лучшего, что было тогда на вооружении имперского флота и, как следствие добытчиков в Поясе Галла. Но вместе с новым званием и последовавшими за ним дерзкими вылазками, от которых у налетчиков кровь стыла в жилах, стала расти и цена за голову Галльской Фурии.

Живым или мертвым его хотели видеть распятым на носу

своих кораблей и повстанцы из Кри, и караванщики, и даже людоеды—базгулы, которым вообще не свойственно было вступать с другими нациями в какой бы то ни было контакт.

Скорее юношеский максимализм, на тот момент уже семнадцатилетнего Титуса До Готта, а вовсе не ошибка в расчетах, привели к тому, что он был взят в плен человеком, не имеющим никакого понятия о воинской чести.

Авель Мэй – караванщик, «свободный торговец», а на деле просто космический пират, за голову которого в Империи и Содружестве также сулили немало денег, подловил его на честолубии. На чрезмерном перфекционизме, из—за которого юный пилот и обрел свою кровавую популярность – он уничтожал все корабли, посмевшие покушаться на собственность честных добытчиков.

Обманными маневрами, пожертвовав несколькими кораблями и беспилотниками, Авель Мэй выманил его, оставив далеко позади подкрепление и отключил двигателя его звездолета направленным магнитным импульсом. Времени бездействия двигателя боевой машины До Готта как раз хватило пирату для того, чтобы захватить его корабль и отбуксировать в собственный звездный док.

Какого же было удивление команды Мэя, когда спустя несколько часов штурма им удалось захватить легендарную Галлскую Фурию – юношу, у которого едва начал пробиваться пушок над верхней губой.

Несмотря на все понесенные потери, Авель Мэй все же продал его, а не расквитался сам. С аукциона, тому, кто пожелал уплатить самую высокую цену.

Базгулам.

Их предводитель Азгулад Бессмертный пожелал съесть те части врага, которые, по его мнению, должны были принести ему благословение Богов и увеличить и без того не дюжую силу. А именно – мозг, сердце, печень и половые органы. Но для того, чтобы перечисленные части напитались силой и принесли результат, их нужно было хорошо подготовить.

Для этого лучше всего подходили пытки.

На протяжении недель, количество которых командующий даже теперь не смог бы определить с точностью, его испытывали на прочность всеми возможными способами – резали, били, морили голодом и жаждой, применяли электричество, огонь, воду и холод, ожидая, когда же юнец сдастся. Когда же падет духом и согласится на все, лишь бы прекратить свои страдания.

В память о тех днях у Титуса До Готта осталось много шрамов, но памятнее всех тот, что над самым сердцем.

Приняв, как данность то, что он встретил достойного, сильного врага, Азгулад Бессмертный велел прекратить пытки и готовить все к ритуальному пиру. «Разделка туши» начиналась с самого, по мнению базгулов, вкусного и зрелищного – извлечения живого сердца.

В центральном помещении его главного корабля, который

благодаря антуражу можно было бы смело назвать тронным залом, огромный, с головы до пят украшенный неразборчивыми татуировками Бессмертный не торопясь принялся за разделку Фурии. Он наслаждался – шутил и измывался над ним под довольное улюлюканье своих соплеменников. Отрезал кожу на груди по лоскутку, отделяя мышцы от сухожилий по кусочку и бросая их на скворчащую сковороду перед самым его носом.

Ощущая тошнотворно—сладкий запах собственной жареной плоти, чувствуя, как жизнь покидает тело вместе с затуманенным болью сознанием, Титус До Готт жалел только о том, что сделал слишком мало для того, чтобы воздать должное своему отцу. Недостаточно для того, чтобы его имя осталось в веках и смерти родителей были не напрасны.

Корифей Мон Атто потерял какую—либо связь с необычным юношей, когда тот, выпустившись из Академии, не прибыл по месту для вступления в Корпус Крыльев Империи. Он не прекращал попыток найти его, хотя про себя уже отчаялся, приняв, как данность, что талантливый сирота изменил своему решению посвятить жизнь служению родине.

Но история о молодом наемном пилоте, который за короткий срок вогнал в хтонический ужас расхитителей рутения в Поясе Галла, рассказанная ему, как байка, одним из знакомых в Совете, зажгла не искру, а целый факел надежды в сердце мужчины.

К тому моменту, когда он доподлинно установил имя и идентификационные данные героя, молодой пилот уже был захвачен в плен пиратом Мэйем.

Корифей Мон Атто, состоявший в те времена членом Верховного Совета Империи, имел достаточно власти, чтобы надавив, где следует, снарядить целый экспедиционный корпус отборных воинов для поиска и освобождения юноши.

И он успел спасти его буквально в последний момент.

Сам Титус не помнил штурма, а также последующих нескольких недель, которые потребовались для того, чтобы изможденный и изувеченный, он смог просто сам открыть глаза и попросить воды. На память о тех событиях, помимо страшных кошмаров о бесконечных пытках, которые иногда все еще являлись ему во сне, мужчине осталось множество шрамов, бесконечное отвращение к базгулам и очень ценная наука о том, что на поле боя в самом деле нет никаких правил и неверно оценивать себя также опасно, как давать неправильную оценку противнику.

С тех самых пор понтий и его названный ученик больше никогда не теряли связь.

Нельзя сказать, что именно благодаря протекции Корифея Мон Атто, который вскоре после описываемых событий был назначен наместником Тонской звездной системы, До Готт поднялся столь высоко. Командующий по пути к своему нынешнему положению прошел еще много испытаний и оставил после себя немало славных для Империи трудов. Но

теплый градус их взаимоотношений позволял рушить некоторые преграды, которые в другом случае ни за что бы не поддались безродному сироте, пусть бы и столь талантливому в военном искусстве.

И все же, получивший столько почета и регалий командующий Танатосом—4 не терпел чрезмерности ни в чем. То было одним из качеств, позволивших ему завоевать особое расположение подчиненных.

Теперь же он остро чувствовал, сколько мудрости было в таком жизненном выборе! Ведь стоя на мостике и руководя последними приготовлениями перед отбытием с орбиты покоренной Нарвиби, Титус До Готт думал не о долге и том, как удачнее распланировать необходимый его телу отдых, чтобы скорее вернуться к делам... а о том, как после всего выкроить достаточно времени чтобы провести его с рыжеволосой девушкой, мирно спящей в *его* каюте... на *его* корабле.

Глава 9. Конец ее пути

Азанет проснулась в полной темноте и очень долго не могла понять, где она и что произошло. Голова буквально раскалывалась пополам, левая рука ныла от плеча и до запястья. Болела при касании припухшая, синеватая скула и, кроме прочего, когда девушка села в постели, у нее жуткой судорогой свело низ живота.

Датчики движения в стенных панелях сработали, и в каюте постепенно набирая интенсивность включилось освещение.

Она все еще была там, в своем страшном сне и всё, кроме скулы болело у нее потому, что он снова взял ее так, как хотел...

Нет... кого она пытается обмануть ведь она сама просила его об этом?

О, Маат, о чем она думала! Как могла так... с убийцей, с этим животным, не имеющим ни малейшего представления о любви, жалости, порядочности, человечности... Неужели все ради выживания? Но как же можно было так быстро и низко пасть...

Волна испепеляющего стыда и отвращения к себе захлестнула девушку, и она с силой сдавила синяк на запястье, желая как—то наказать себя. И, пожалуй, это была самая ее глупая идея за последнее время – от острой боли закружи-

лась голова и ее вывернуло наизнанку за край кровати. Водой, потому что ничего больше она за минувшие сутки так и не села. Но мысли прояснились, позволив собраться и рассуждать, отбросив эмоции.

Свыкнувшись со скручивающей болью внизу живота, она отыскала на полу свою единственную одежду – длинное, тонкое красное платье с мелкими пуговицами на спине, после чего отправилась в душ.

Вряд ли даже самыми едкими средствами из всех, которые она когда—либо использовала для стирки, ей удалось бы вычистить его из себя – не столько из тела, сколько мыслей и поступков, но она сделала все, что смогла. Горячая вода обжигала кожу до болезненной красноты – это позволяло девушке думать, что она делает хоть что—то чтобы остаться чистой перед Создателем.

Из комнаты послышался знакомый шелестящий звук – кто—то вошел извне. Азанет замерла перед зеркалом, не застегнув платье до конца. Она беспомощно оглянулась вокруг; если это *он* – она не хотела выходить, опять смотреть в его холодные глаза, терпеть на себе этот пронизывающий взгляд! И если это Коук или доктор Дитт – выходить не хотелось тоже, ведь кто знает, какие еще унижения есть для нее в запасе у этих имперцев.

Время шло, но никто не окрикивал ее из комнаты. Не требовал немедленно явиться, дабы не испытывать терпение своего владельца.

В какой—то момент девушка решила, что ей показалось и подошла к двери, чтобы подслушать, но забыла, что она открывается автоматически! Переборка привычно ускользнула в сторону при ее приближении, застав Азанет в страхе отскочить назад.

В комнате был мужчина, но она никогда его прежде не видела. Высокий, как вероятно и все имперцы в сравнении с жителями ее планеты или Нарвиби, он был одет в серый комбинезон с узнаваемым символом на спине, высокую обувь и кофту скрывавшую шею и руки.

Увидев ее из другого конца комнаты, он остолбенел, буквально замер с каким—то предметом в руках, более всего похожим на отвертку. Перед ним на рабочем столе командующего До Готта лежала снятая панель и какие—то детали.

Мужчина первым вышел из оцепенения – сказал что—то на своем грубом рычащем языке и улыбнулся. Широко и тепло, что немного успокоило девушку.

– Я не говорю на имперском. – Сказала она робко и все же, хоть и не без опаски, покинула пределы душевой.

– Карези? – удивился мужчина – Моя бабка была из карези, я тебя понимаю. Могу не знать каких—то слов, но понимаю.

– Разве такое бывает? – Удивилась она. – Я имею ввиду, ты же не имперец!

– Ну, да... – озадачился он. – А, ты думаешь, «что полукровка делает на военном корабле?» Так тут никто не знает,

что я не чистой крови. Подделка документов, понимаешь? Я не из военного состава, я обслуга тут. Вот, – указал он на стол, – ремонтирую. Только тех, у кого есть доступ к оружию проверяют от и до. Для моей работы хватит, если документы будут просто в порядке. Больно? – Спросил он чуть погодя, рассмотрев синяк на ее щеке и запястье. – Это он тебя так?

– И да, и нет... все сложно. – Отшутилась она и стыдливо поправила через чур облегающее платье.

– Хочешь... – спросил он неуверенно. – Помогу выйти отсюда?

– Выйти? – опешила Азанет. – Разве отсюда можно выйти? Мы еще на Нарвиби?

– Э... мы еще *над* Нарвиби, но я слышал от охраны, что скоро отбытие. Так что, хочешь покинуть эту каюту? Я могу помочь.

– Да как же ты это сделаешь? – Чуть не плача спросила девушка, от эмоций у нее затряслись руки и дрогнул голос. До Готт предупредил ее, что в случае побега убьет не задумываясь.

– В коридоре у меня стоит тележка, я в ней инструмент вожу. Ты хрупкая, поместишься. Если будешь сидеть тихо – проскочим мимо охраны. Меня все знают и уже давно не досматривают, когда тут хожу туда—сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.